

1917
1952

СМЕНА

№ 20

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1952

Октябрь

Ты скоро, ты скоро, ты скоро
 Не станешь, ночь Октября,—
 Бессмертное слово «Авроры»,
 Освобожденья зари!
 Восстания сроки условлены...
 И на острый штыка
 Матрос-караульный у Смольного
 Накладывает пропуска.
 Здесь Ленин, здесь Сталин,
 _____ здесь Свердлов,
 Отсюда восставший народ
 За счастье, за власть Советов
 На Зимний с оружием идёт.
 По сводчатым коридорам
 Подковки стальные гремят,—
 Идёт за отрядом «Авроры»
 Красногвардейский отряд.
 И целятся в спину отряду
 Из окон особняков,
 И быют по нему из засады
 Откуда-то с чердаков.
 Шагает отряд краснофлагий,
 Сметает с пути юнкерье,
 Он ленинской полон отваги,
 Он бьётся за счастье своё!
 А там, где Дворцовая площадь
 Не вспыхнет и огнёмком,

Там лава людская клокочет
 Перед последним рывком.
 И взмыла, пылая, ракета,
 И хлынул на приступ народ,
 По мрамору и паркету,
 По залам старинным — вперёд!
 Ворвался!

Не отдышаться...
 И смяли заслоны врага
 Летящая лава кронштадтцев
 И выборцев ураган!
 А Смольный гудит в солненье,
 Гремит, рукоплещет он.
 И на трибуну Ленин,
 Как будто волною, внесён.
 Какая была в нём решимость,
 Какой оглядел он простор,
 Когда возвестил:

совершилась! —
 И руку над залом простёр,
 И с этого первого мига
 Ты стала на все времена
 Защитой свободы и мира,
 Советская

наша
 страна!

И. ОСТРОВСКИЙ

В. И. Ленин провозглашает Советскую власть

С картины В. Серова

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Октябрь. № 20. 1952 год.

Год
издания
29-й

XIX съезд
Коммунистической партии
Советского Союза

Речь
товарища И. В. СТАЛИНА

(Появление на трибуне товарища Сталина делегаты встречают бурными, долго не смолкающими аплодисментами, переходящими в овацию. Все встают. Возгласы: «Товарищу Сталину—ура!», «Да здравствует товарищ Сталин!», «Слава великому Сталину!»)

Товарищи!
Разрешите выразить благодарность от имени нашего съезда всем братским партиям и группам, представители которых почтили наш съезд своим присутствием или которые прислали съезду приветственные обращения,— за дружеские приветствия, за пожелания успехов, за доверие. (Бурные, продолжительные аплодисменты, переходящие в овацию).

Для нас особенно ценно это доверие, которое означает готовность поддержать нашу партию в её борьбе за светлое будущее народов, в её борьбе против войны, в её борьбе за сохранение мира. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Было бы ошибочно думать, что наша партия, ставшая могущественной силой, не нуждается больше в поддержке. Это неверно. Наша партия и наша страна всегда нуждались и будут нуждаться в доверии, в сочувствии и в поддержке братских народов за рубежом.

Особенность этой поддержки состоит в том, что всякая поддержка миролюбивых стремлений нашей партии со стороны любой братской партии означает вместе с тем поддержку своего собственного народа в его борьбе за сохранение мира. Когда английские рабочие в 1918—1919 годах, во время вооруженного нападения английской буржуазии на Советский Союз организовали борьбу против войны под лозунгом «Руки прочь от России», то это была поддержка, поддержка прежде всего борьбы своего народа за мир, а потом и поддержка Советского Союза. Когда товарищ Торез или товарищ Толланти заявляют, что их народы не будут воевать против народов Советского Союза (бурные аплодисменты), то это есть поддержка, прежде всего поддержка рабочих и крестьян Франции и Италии, борющихся за мир, а потом и поддержка миролюбивых стремлений Советского Союза. Эта особенность взаимной поддержки объясняется тем, что интересы нашей партии не только не противоречат, а, наоборот, сливаются с интересами миролюбивых народов. (Бурные аплодисменты). Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире.

Понятно, что наша партия не может оставаться в долгу у братских партий и она сама должна в свою очередь оказывать им поддержку, а также их народам в их борьбе за освобождение, в их борьбе за сохранение мира. Как известно, она именно так и поступает. (Бурные аплодисменты). После взятия власти нашей партией в 1917 году и после того, как партия предприняла реальные меры по ликвидации капиталистического и помещичьего гнёта, представители братских партий, восхищаясь отвагой и успехами нашей партии, присвоили ей звание «Ударной бригады»

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ЗАСЕДАНИЕ XIX СЪЕЗДА ПАРТИИ.

мирового революционного и рабочего движения. Этим они выражали надежду, что успехи «Ударной бригады» облегчат положение народам, томящимся под гнетом капитализма. Я думаю, что наша партия оправдала эти надежды, особенно в период второй мировой войны, когда Советский Союз, разгромив немецкую и японскую фашистскую тиранию, избавил народы Европы и Азии от угрозы фашистского рабства. (Бурные аплодисменты).

Конечно, очень трудно было выполнять эту почётную роль, пока «Ударная бригада» была одна-единственная и пока приходилось ей выполнять эту передовую роль почти в одиночестве. Но это было. Теперь — совсем другое дело. Теперь, когда от Китая и Кореи до Чехословакии и Венгрии появились новые «Ударные бригады» в лице народно-демократических стран,— теперь нашей партии легче стало бороться, да и работа пошла веселее. (Бурные, продолжительные аплодисменты).

Особого внимания заслуживают те коммунистические, демократические или рабоче-крестьянские партии, которые ещё не пришли к власти и которые продолжают работать под пятой буржуазных драконовских законов. Им, конечно, труднее работать. Однако им не столь трудно работать, как было трудно нам, русским коммунистам, в период царизма, когда малейшее движение вперёд объявлялось тяжчайшим преступлением. Однако русские коммунисты выстояли, не испугались трудностей и добились победы. То же самое будет с этими партиями.

Почему всё же не столь трудно будет работать этим партиям в сравнении с русскими коммунистами царского периода?

На сессии (слева направо): в президиуме товарищи Л. М. Каганович, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, Н. А. Булганин, Н. С. Хрущёв, К. Е. Ворошилов, В. М. Молотов, Д. С. Коротченко, Ж. Шаляметов, О. В. Куусинен во втором ряду: Н. С. Патолицhev, А. Б. Аристов, А. И. Нилзов, В. М. Андрианов и М. Д. Багиров. На трибуне товарищ И. В. Сталин.

Фото Ф. Кислова и А. Устинова

Потому, во-первых, что они имеют перед глазами такие примеры борьбы и успехов, какие имеются в Советском Союзе и народно-демократических странах. Следовательно, они могут учиться на ошибках и успехах этих стран и тем облегчить свою работу.

Потому, во-вторых, что сама буржуазия,— главный враг освободительного движения,— стала другой, изменилась серьёзным образом, стала более реакционной, потеряла связь с народом и тем ослабила себя. Понятно, что это обстоятельство должно также облегчить работу революционных и демократических партий. (Бурные аплодисменты).

Раньше буржуазия позволяла себе либеральничать, отставала буржуазно-демократические свободы и тем создавала себе популярность в народе. Теперь от либерализма не осталось и следа. Нет больше так называемой «свободы личности»,— права личности признаются теперь только за теми, у которых есть капитал, а все прочие граждане считаются сырым человеческим материалом, пригодным лишь для эксплуатации. Распостан принцип равноправия людей и наций, он заменён принципом полноправия эксплуататорского меньшинства и бесправия эксплуатируемого большинства граждан. Знамя буржуазно-демократических свобод выброшено за борт. Я думаю, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите собрать вокруг себя большинство народа. Больше никому его поднять. (Бурные аплодисменты).

Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их «превыше всего».

Теперь не осталось и следа от «национального принципа». Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. (Бурные аплодисменты).

Так обстоит дело в настоящее время.

Понятно, что все эти обстоятельства должны облегчить работу коммунистических и демократических партий, не пришедших ещё к власти.

Следовательно, есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала. (Бурные аплодисменты).

Да здравствуют наши братские партии! (Продолжительные аплодисменты).

Пусть живут и здравствуют руководители братских партий! (Продолжительные аплодисменты).

Да здравствует мир между народами! (Продолжительные аплодисменты).

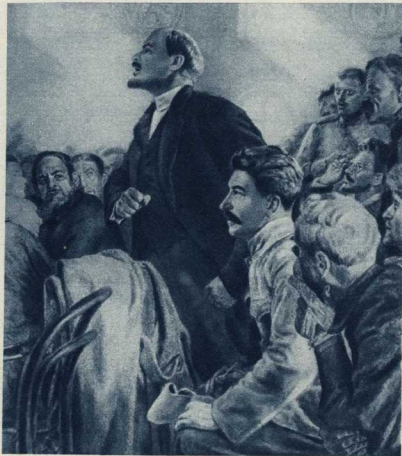
Долой поджигателей войны! (Все встают. Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Возгласы: «Да здравствует товарищ Сталин», «Товарищу Сталину ура», «Да здравствует великий вождь трудящихся мира товарищ Сталин», «Великому Сталину ура», «Да здравствует мир между народами». Возгласы: «ура».)

НЕЗАБЫТЫ

...На основании изучения опыта двух революций в России Ленин, исходя из теории марксизма, пришел к выводу, что наилучшей формой политической формы диктатуры пролетариата является не парламентарная демократическая республика, а республика Советов. На этом основании Ленин в апреле 1917 года, в период перехода от буржуазной революции к социалистической, выдвинул проект организации республик Советов, как лучшей политической формы диктатуры пролетариата. Оппортунисты всех стран стали цепляться за парламентарию республику, обвиняя Ленина в отходе от марксизма, в разрушении демократии. Но настоящим марксизмом, овладевшим теорией марксизма, был, конечно, Ленин, а не оппортунисты, ибо Ленин думал вперед марксистскую теорию, обогащая ее новым опытом, а оппортунисты тянули ее назад, превращали одно из ее положений в догму.

Что было бы с партией, с нашей революцией, с марксизмом, если бы Ленин спасовал перед буржуазным марксизмом и не решился заменить одно из старых положений марксизма, сформулированное Энгельсом, новым положением о республике Советов, соответствующим новой исторической обстановке? Партия блуждала бы в полнотемноте, Советы были бы дезорганизованы, мы не имели бы Советской власти, марксистская теория потеряла бы серьезный урон. Пролетарат бы пролетарят, вымирали бы враги пролетариата.

(История ВКП(б). Краткий курс.)

Есть такая партия!

Рисунок Е. Кибрика

На I Всероссийском съезде Советов в июне 1917 года в ответ на заявление меньшевиста Церетели о том, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя, В. И. Ленин, поднявшись с места, заявил: «Есть такая партия». Наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком».

25 октября (7 ноября) Красной гвардией и революционными войсками были заняты вокзалы, почта, телеграф, министерства, государственный банк.

Был распушен Предпарламент. Смольный, где находились Петроградский Совет и ЦК большевиков, стал боевым штабом революции, откуда шли боевые приказы.

Петроградские рабочие показали в эти дни, что они прошли под руководством большевистской партии хорошую школу. Революционные части войск, подготовленные к восстанию работой большевиков, точно выполнили боевые приказы и дрались бок о бок с Красной гвардией. Морской флот не отстал от армии. Кронштадт был крепостью большевистской партии, где давно уже не признавалась власть Временного правительства. Крейсер «Аврора» трюмом своих пушек, направленных на Зимний дворец, ввела 25 октября начало новой эры — эры Великой социалистической революции.

25 октября (7 ноября) было опубликовано обращение большевиков «К гражданам России». В этом обращении говорилось, что буржуазное Временное правительство изложено, что государственная власть перешла в руки Советов.

Временное правительство укрылось в Зимнем дворце под охраной кавалерии и ударных батальонов. В ночь с 25 на 26 октября революционные рабочие, солдаты и матросы штурмом ввалили Зимний дворец и арестовали Временное правительство.

Вооруженное восстание в Петрограде победило. II Всероссийский съезд Советов открылся в Смольном в 10 часов 45 минут вечера 25 октября (7 ноября) 1917 года, когда победило носное восстание в Петрограде было уже в полном разгаре и власть в столице фактически находилась в руках Петроградского Совета.

(История ВКП(б). Краткий курс.)

Морские:

1) ...
2) ...
3) ...
4) ...
5) ...
6) ...
7) ...

Вот тебе морские матросы...

Когда я иду то, что прошил, и роюсь в днях — я вспоминаю крайний где, двадцать пятое, первый день. Штыками тычется чернявые молнии, матросы в бомбы играют, как в мячики. От дум взбудораженный Смольный. В патронных лентах внизу пулеметчики.

— Вас вызывает товарищ Сталин.
Направо третий, он там —
— Товарищи, не останавливайтесь! Чего стали?
В броненосце и на почтамте —
— Есть! — повернулся и сирялся скоро, и только на ленте у флотского под лавочкой блеснуло — «Аврора».
В. МАЛКОВСКИЙ

Штурм Зимнего дворца революционными рабочими, солдатами и матросами.

Рисунок В. Щеглова

В А Е М О Е

Рисунок Е. Кибрика

**КРЕЙСЕР «АВРОРА»
ГРОМОМ СВОИХ ПУШЕК
НАПРАВЛЕННЫХ НА ЗИМ-
НИЙ ДВОРЕЦ, ВОЗВЕСТИЛ
25 ОКТЯБРЯ НАЧАЛО НО-
ВОЙ ЭРЫ — ЭРЫ ВЕЛИКОЙ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕ-
ВОЛЮЦИИ.**

(Из первого выпуска «История В.К.П.(б)»)

Возглавляемый партией большевиков, рабочий класс, в союзе с крестьянской беднотой, при поддержке солдат и матросов, свергает власть буржуазии, устанавливает власть Советов, учреждает новый тип государства — социалистическое советское государство — отменяет помещичью собственность, на землю, передает землю в пользование крестьянству, национализует все земли в стране, экспроприирует капиталистов, завоевывает выход на войну — мир, усиливает разрывы капиталистического строительства.

Октябрьская социалистическая революция разоблачила капитализм, отдала у буржуазии средства производства и превратила фабрики, заводы, землю, железные дороги, банки — в собственность всего народа, в общественную собственность.

Она установила диктатуру пролетариата и передала руководство огромным государством рабочему классу, сделав его, таким образом, господствующим классом.

Тем самым Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру в истории человечества — эру пролетарских революций.

(История ВКП(б). Краткий курс.)

24 октября ночью в Смольный прибыл Ленин, непосредственно взявший в свои руки руководство восстанием. Всю ночь и Смольному подружили революционные войсковые части и отряды Красной гвардии. Их направлял большевик в центр столицы — окружив Зимний дворец, где располагалось Временное правительство.

(История ВКП(б). Краткий курс.)

24-го октября 1917 года.

В. Серов

В. И. Ленин, Рабочим, солдатам и крестьянам! — Воззвание II Всероссийского съезда Советов, в котором съезд объявил о переходе всей власти в руки Советов.

Декрет о мире, Декрет о земле — приняты II Всероссийским съездом Советов ночью 26 октября (8 ноября) 1917 года.

ЕСТЬ ТАКАЯ ПАРТИЯ!

Тридцать пять лет назад на I Всероссийском съезде Советов, отвечая меньшевистскому оратору, утверждавшему, что в России нет такой партии, которая согласилась бы взять власть целиком в свои руки, великий Ленин решительно возразил:

— Есть такая партия!

В этой короткой фразе, всколыхнувшей десятков съезда, прозвучала гордая уверенность воли пролетарской революции. Ленин твердо знал, какой силой была партия большевиков, в то время ещё немногочисленная, но монолитная, сплочённая единством действий и цели, закалённая в ожесточённых боях со всеми врагами пролетариата. Созданная и воспитанная Лениным и Сталиным, партия уверенно смотрела в будущее, не боялась взять на себя ответственность за судьбу народа.

В эти Великие Октябрьские социалистической революции, ведомые большевистской партией, трудящиеся нашей страны установили власть Советов, создали новое государство — государство рабочих и крестьян, вверив свою судьбу, своё будущее партии Ленина — Сталина.

Со злобным воём встретили победу революции все её враги. В боёвой ярости силы старого мира обрушились на не окрепший ещё Республику Советов, чтобы сразу задвинуть её, не дать ей подняться.

Со всех сторон надвигались вооружённые до зубов полчища врагов, в стране пережил голод и разруха. Казалось, гибель неизбежна. Только организация, способная объединять, тянуть в один кулак силы республики, вынуть уверенность в миллионах людей, до дня, до основания всколыхнуть народ, могла спасти положение. Только партия, дальняя от всякой паники, твёрдо уверенная в победе, могла повести народ.

— Есть такая партия! — сказали коммунисты.

И народ пошёл за партией. В этой борьбе была наголову разгромлена и вышвырнута вся чужеродная сила внутренней и внешней контрреволюции, Советская власть победила.

Но перед народом возникли новые трудности. Страна была до предела истощена. Заводы и фабрики аскалы в развалинах, шахты были затоплены, паровозы стояли без угля, надвигался голод.

Необходимо было в короткие сроки восстановить разрушенное хозяйство, ликвидировать голод, укрепить молодую Советскую страну, находящуюся в окружении враждебных капиталистических государств. Какая сила, какая партия способна была взять на себя решение этой трудной задачи?

— Есть такая партия! — сказали тысячи коммунистов и повели за собой народ в битву за металл и нефть, за уголь и хлеб.

Это была битва не менее тяжёлая, чем вооружённая борьба с врагами. Тысячи преград и трудностей лежали на пути. Но мудрая политика партии, её негибкая воля, её величайшая уверенность в правоте своего дела преодолели все трудности и испытания. Великая цель, поставленная партией, всколыхнула народ, разбудила в нём дремавшие силы и вымужую энергию. В короткий исторический срок советские люди под руководством партии Ленина — Сталина превратили нашу страну из отсталой, аграрной в передовую, индустриально-колхозную державу, приступившую к крепости социализма.

Навсегоднешние гитлеровские орд временно прервали победную поступь советского народа к коммунизму. Началась война, самая тяжёлая, самая разрушительная, самая кровопролитная из всех, которые знала история. Решался вопрос о жизни и смерти Советского государства.

Война потребовала мобилизации всех людских и материальных ресурсов страны, прочного единения фронта и тыла, могучих ударов всего советского народа, направленных на разгром немико-фашистской военной машины. Нужна была сила, способная в эти дни суровых испытаний сплотить народ и повести его к победе. Этой силой могла явиться лишь партия, вооружённая марксистско-ленинской теорией, передовой военной наукой, партией, имеющей твёрдое руководство и неистощимую веру в победу.

Под руководством Коммунистической партии, под мудрым воздействием товарища Сталина советский народ отстоял завоеванный социализм от немецких фашистов и японских империалистов, спас народы всего мира от фашистского порабощения.

«Руководящей и направляющей силой советского народа», — говорит товарищ Сталин, — как в годы мирного строительства, так

и в дни войны являлся партия Ленина, партия большевиков. Ни одна партия на земле и не имеет такой авторитета среди народных масс, как наша большевистская партия».

Огромнейший ущерб принесла война Советскому государству. Любая страна капиталистического мира вышла бы из такой разрушительной войны обескровленной и обескровленной, не смогла бы подняться на ноги десятки лет. Печать и радио капиталистических стран, издательства и заводы, доказывали, что такая же участь ждёт и Советскую страну.

Но партия Ленина — Сталина, ведя за собой народ, твёрдо верила в неисчерпаемые силы советского общественного и государственного строя, в великую творческую энергию миллионов. И партия поставила перед народом задачу: в пять лет восстановить разрушенное войной хозяйство, превзойти довоенный уровень экономики.

С огромным воодушевлением откликнулся наш народ на всестороннюю программу строительства коммунизма, развёрнутую товарищем Сталиным в исторической речи 9 февраля 1946 года. Реальное воплощение сталинских планов в жизнь — это плущение в эксплуатацию Волго-Донской судоходной канала имени В. И. Ленина, это гигантский размах работ по сооружению великих асеполосов, преграждающие путь सूховому, это восемь миллиардов пудов хлеба, это высотные здания столицы, это неуклонное повышение жизненного уровня трудящихся нашей страны.

Крупнейшей вехой на пути к коммунизму являлся XIX съезд партии, за ходом которого с напряжённым вниманием следили сотни миллионов людей. Съезд великой Коммунистической партии продемонстрировал всему миру, насколько выросли и окрепли силы страны победившего социализма. Съезд дал директивы по пятому пятилетнему плану, осуществление которого ещё больше приблизит советский народ к великой цели. Съезд осветил ярым светом — светом марксистско-ленинизма — дальнейшие пути продвижения партии и народа вперёд, к полному торжеству коммунизма.

Вдохновлявшей программой борьбы за мир, за коммунизм являлось выступление на съезде великого вождя и учителя трудящихся всех стран товарища Сталина. Товарищ Сталин вновь подтвердил решимость Коммунистической партии и советского народа до конца отстаивать мир во всём мире. «Интересы нашей партии», — сказал товарищ Сталин, — не только не противоречат, а наоборот, совпадают с интересами миролюбивых народов. Что же касается Советского Союза, то его интересы вообще неотделимы от дела мира во всем мире».

В словах товарища Сталина о том, что «есть все основания рассчитывать на успехи и победу братских партий в странах господства капитала», борцы за мир, демократию и социализм будут черпать новые силы, энергию, уверенность в торжестве своего правого дела».

Марксистско-ленинская теория — ключ к решению любых сложнейших задач нашего развития. Но, чтобы успешно решать эти задачи, теория сама должна непрерывно развиваться и совершенствоваться, непрерывно углубляться и обновляться.

В нашу эпоху, когда впервые народ вплотную подошёл к коммунизму, в развитии коммунистического строя и истории общества, вопросы теории приобрели повсеместное, решающее значение. Теория призвана осветить наш путь вперёд, глубоко проникнуть в будущее.

Эта задача блестяще решена гением Сталина. Великий продолжатель дела Ленина, товарищ Сталин непрерывно развивает марксистско-ленинскую теорию, поднимая её со ступени на ступень. Высшим этапом развития марксистско-ленинизма является гениальный труд товарища Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР». Этот исторический документ — образец сталинского решения величайших проблем современности, пример глубочайшего, предельно точного анализа, мудрого, подлинно научного предвидения. В своей работе товарищ Сталин всесторонне исследовал экономические проблемы социализма, определил материальную базу в социалистическом обществе, указав научные основы развития социалистической экономики, указав пути постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Советский народ получил чёткую и развёрнутую программу построения коммунизма. В отчётном докладе на XIX съезде партии товарищ Сталин сказал: «... дальнейшим шагом в будущее, определяющее перспективы и пути нашего движения вперед, опираются на знание экономических законов, опираются на науку о строительстве коммунистического общества, разработанную товарищем Сталиным».

Весь многомиллионный советский народ считает воплощение в жизнь планов партии своим кровным делом. С ещё большей энергией и вдохновением советские люди в своём повседневном труде осуществляют сталинскую программу коммунистического строительства.

На всех этапах борьбы нашего народа за коммунизм ленинско-сталинская комсомолка была всегда верным помощником партии и её боевым резервом. Новые величественные задачи, поставленные съездами партии перед народом, вдохновляют советских юношей и девушек на самостоятельный труд во имя ещё более быстрого будущего коммунизма.

Грандиозные задачи, которые предстоит решить советскому народу, ещё много трудностей будет на нашем пути, но все они несомненно будут преодолены. Запол этого в руководстве партии Ленина — Сталина, которая является источником побед Советского государства, источником его силы. Запол этого в мудром вождестве любимого вождя и учителя товарища Сталина.

ДЕЛЕГАТ СЪЕЗДА

Раздался резкий телефонный звонок. Николай поднял трубку.

— Сталинград заказывали?

— Да, да, заказывали? — ответил Николай.

— Не ескажете, Минуточка?

В телефонной трубке на фоне общего шума попискивали гудочки, что-то позывняло, потом включались далекие-далекие голоса: «Я Тиске, это Я Красноводск!» — потом голоса исчезли, и вдруг из гудка прозвучал четкий и громкий голос телефонистки:

— Москва, говорит! Сталинград! На линии. Николай и улыбнулся про себя; потом утешал, как звенящий фон трубки как бы расширялся, потому что вошел в него новый звук: звон колокола, рёв воздуха и пламени, шум машин и металлических ударов, — эти звуки были такие привычные, такие обычно незаметные, что, услышав их, Николай не мог сказать ни слова: что-то складывал в горле. Потом послышалось знакомое похвалывание обер-мастера и его голос: «Ермиш, дверь закрый, ничего не слышно».

Николай представил себе маленькую комнату обер-мастера и в ней за столом на стуле «самого», затем на скамье у стены Ермиша, а рядом подручных... «Значит, сейчас смена Ермиша». Ещё лет и неделя, как Николай уехал, а уже не раз шевельнулась тревога: как там, на участке, кто там в перерыв проводит беседы, — да мало ли что могло беспокоить Николая, человека, привыкшего в течение многих лет ежедневно жить делами цеха, жизнью всего заводского коллектива!

— Я Сталинград, — сказал голос обер-мастера.

— А я Москва, Александр Григорьевич, здравствуйте...

— А, здравствуй, Николай! Фу ты, совсем оглушил, слышимость-то какая. Ну, как Москва?

— Москва? — переспросил Николай и сразу представил себе всё, что видел за эти дни: свою комнату в гостинице «Москва», метро, Третьяковку, Большой театр, Музей Ленина, затем по каменной горке мысленно прошёл Спасскими воротами в Кремль, и вот он в Большом зале Кремлевского дворца. — Москва? — переспросил Николай. — Знаете...

— Погоди, — перебил обер-мастер. — Сталина видел? Как он?

— Видел, Александр Григорьевич.

И Николай рассказал, как появился на трибуне Сталин в своём обычном сером костюме, с золотой звёздочкой над левым карманом, как поднимаясь в едином порыве весь зал — все делегаты съезда — и как Сталин аллодиоровал вместе со всеми. Николай рассказывал всё, он сохранил в своей памяти каждое движение вождя, каждый взгляд, брошенный им в зал, и как залудилась товарищ Сталин, опершись подбородком о правую руку, и как потом пересел и что-то начал быстро писать... — Вы слышите меня, Александр Григорьевич? — спросил Николай в трубку.

— Говори, говори, Николай, слушаем...

Выглядит как?

— Хорошо выглядит. Бодро.

— Ну, дай бог.

Помолчал. Потом обер-мастер бундо

вспомнил:

— А ты что авношешь? Соскучился?

— Да, есть нерядок. Как там на участке?

— Всё в порядке. Обязательства, ты авноше; на твоём участке дали две тысячи тонн сверх плана. Ты не беспокойся — всё будет хорошо. Ну, пойду к печам. Нашив тебе тебе привез передают... И, конечно, от авноше лично передать, то хотя бы мысленно от всех нас... Понял?

С первого дня, вернее, с той минуты, как он был избран делегатом Деятельностного съезда, Николай находил в состоянии человека поводило итог всем своим делам, всему пережитому, с тем, чтобы отсюда начать новый, лучший и более быстрый путь.

Ночью после разговора со Сталинградом он пододвинул ближе лампу, развернул журнал «Большевик», и тогда ещё раз повторилась в памяти вся его жизнь.

...Николай родился в 1927 году. Он начинал помнить свою Вихлянскую — село в Сталинградской области — в ту пору, когда уже сущест-вовала «Советская деревня». Николай пошёл в школу, когда осуществлялась уже вторая пятилетка. В степи, где когда-то ходила конница Будённого, уже вырос Сталинградский тракторный завод и был реконструирован, а вернее, выстроен заново «Красный Октябрь», прежде выпускавший лишь сортового железа, а теперь дающий тысячи тонн стали и большую часть всего качественного проката страны.

В классе Николай был старостой, в пионерской организации — председателем совета отряда, в колхозе — шефом колхоза на ферме. «О войне узнали в Вихлянском так же, как во многих других городах и селах, по радио. В этот день отец пришёл с фермы рано. Ещё на пороге не сказал, но так крикнул матери:

— Собирай нас с сыном, Ульяна! — И по тому, что отец назвал мать не «Улья», а непривычным «Ульяна», Николай понял, что он не шутит, что действительно отец решил как-то по-особому с ним, Николаем, поступить.

Впервые отец говорил с Николаем, как со взрослым. Сказал, что придется заменить его на ферме, сказал, что, если с ним что приключится, — война, пуля не разбирает, — так чтоб бегать мать. Потом спросил: «На кого думаешь учиться?» Николай ответил, что собирался в Сталинград на завод... Отец покомчал, потом сказал: «Можно и на завод». Но добавил: «Смотри, может, до победы и не придётся. Здесь тоже нужно, с коями»...

Потом оба, отец и сын, чинили колодец и шаласадник, помогали матери и сестре на прополке.

Отец ушёл на третий день войны... Война близилась к концу, прошли 195 дней и ночей великой Сталинградской битвы, уже увидели все закат фашистской армии. Каждое новое письмо с фронта мать читала детям вслух, потом уносила в свою половину и там перечитывала. Мать работала в колхозе бригадиром, была членом правления, Николай — на конферме табунщиком, сестра Клавдия — счетоводом, Ивату, првильный сын, от учившейся сестры, много ходил в школу, летом помогал Николаю. Работали все, кто мог.

В тот день Николай пришёл табу на лесные поляны. Молодая дивочка, держала ружьё поперёк седла, облезла табуш, отгоняя жеребят ближе к мяткам. Он апростинатил кусты. Ещё не видяли, но потоварищ, что где-то ходит волк. Ночью шёл дождь, было холодно, сыро, но табунщик неотлучно находился на своём посту: «Видишь, отец, я заменил тебя».

Радостно авнозованный подлезжал Николай утром к дому. Размахом отвори дверь, увидел — и остановился на пороге. В комнате сидела мать и невнящими, сухими глазами глядела куда-то далеко, мимо табунского письма — не треугольник, как обычно, а конверт — и узкая полоска бумаги. Сколько так просидела мать? Она не заметила, как хлопнула дверь, как Николай подошёл к ней, не слышавшись, не вздрогнула. И только когда он обнял её по-мужски за плечи, и приник щекой к волосам, только тогда, улав на стол, зарыдала.

Так шестнадцать лет стал Николай взрослым человеком. Серьёзный, молчаливый, спокойный, даже внешне, он довольно стал походить на отца, такой же скатый рот, и тонкие губы, и в минуты волнения чуть подрагивающие желваки, и узкий разрез тёмнокарих глаз под густой тенью ресниц.

И отоварищ к нему теперь, как к взрослому, и обрадовался: «Товарищ Сидельников» или «Николай Васильевич». Табуш Николай был первым на конферме по всем показателям.

...Наконец исполнилось желание — учиться. На Николая длинная чёрная шинель, форменная фуражка с козырьком и ремешок с широкой пряжкой.

В Сталинград приехал Николай не один, с ним двенадцать паренёв из Вихлянских — тех, кто был у него в классе, в отряде, тех, с кем объезжал двурезцы и табуны, и в дождь и в змизную стужу, тех, кого не звал с собой, кто приехал сам... Видимо, дал всех них очень сильн, убедительное лобого красноречия, был пример их товарища и короткая фраза: «Стайл поеду партия».

И вот он уже подручный ставелара к живёт не в школьном, а в заводском общежитии, и его кровать стоит между кроватями его новых друзей-погомок: справа — Николая Спрыжников, паренёк спокойный и уравновешенного, такого же, каков он сам; слева — Петра Тунканова, человека живого, быстрого, свхватывающего всё на лету, многогого востпального. Но Петру Тунканову, авноше, как раз не хватало таких друзей, как оба Николая, — уравновешенных, а Николаям на пользу друзей, как оба Николая, — взрывоопасных. Все работали подручными, все были комсомольцами. Работали они и учились ладно, но в среде друзей был один чуть скромнее, в работе чуть ярже и авдумчивее, в учёбе чуть старательнее, усидчивее. Только это, пожалуй, и отличало Николая от его товарищей. Третьим подручным поставили Николая Сидельникова, был замечательный Александр Григорьевич Соколов. Он

Фото А. Гостева

Николай Сидельников.

Делегаты XIX съезда партии. Герой Социалистического Труда начальник шахтосного экскаватора строительства Волго-Донского судоходного канала А. Устинов, секретарь ЦК КПСМ Узбекистана И. Муртазалиев, секретарь Красноярского краевого комитета ВЛКСМ П. Манежев и Герой Социалистического Труда машинист экскаватора строительства Цимлянского гидроузла Е. Синаев в перерыве между заседаниями съезда.

Фото Ф. Киселова и А. Устинова

ещё до войны за высокие показатели съёма стали был награждён орденом Ленина. Сейчас он работает на восстановленной печи.

У Соколова люди быстро росли, становились вторыми, первыми подручными. Правда, перед тем, как выдвинуть первого подручного на самостоятельную работу сталеваром, Соколов устраивал «домовку». Он то ставил испытываемого к печи «присмотреть за завалкой», то поручал выпуск сланки, то оставлял подручного на смену за сталевара, и если все эти экзамены первый подручный выдерживал, то Соколов проходил обычно к начальнику дела и говорил: «Дайте пожалуйста новую печь, ждёт человек должности за других задерживать».

Новому своему третьему подручному Соколов образовался. Сталевар расширял Николаю о доме, о друзьях по общежитию. Николаю поворачивалось, что Соколов встретил его как помощника. В свободные минуты тот прищипчиво донималась: «А ты, погляди, не сварились сталь? Нет еще? А какая температура? Нет, ты на приборы не смотри, так же скажи. А сколько ждать еще? А если дутья подбавить или мазуту? Что тогда? А кирпич-то при какой температуре планвится? Угадай, угадай! Прочитай, говоришь? А где прочитай? Хорошая книга. А ты вон ещё какую книгу прочитай, дай-ка я тебе напущу название. Как прочитаешь, так скажи, ещё поговорим, а сейчас давай к печи».

Всего два месяца ходил Николай в третьих подручных. Новые печи входили в строй. Первый подручный ушёл сталеваром, Николай стал вторым. «Университет» Александра Григорьевича Соколова действо-

вал «без осечки», как любил говорить в цехе. Уже более трудные задачи стали задавать сталевару Николаю: «Гляди на завалку—самое трудное»,— поучал Соколов. И сам Николай уже лично обращал внимание на это «трудное» дело.

Полгода «испел» Николай на завалке. Учился у Соколова, наблюдал. Учился и наблюдал он, когда стал первым подручным. Продолжал учиться, когда выпустил его Соколов сталеваром, когда пошел к сменному мастеру Колотову и шутя сказал: «Могарыч с тобой, Александр Павлович, поздравляю, поздравляю с новым сталеваром. Ничего парнишка, тождь будет».

Первые плавки пошли хорошо, мастер только однажды подошёл, глянул и, будто сам не знал, посоветовался: «Может, руды добавить, посмотри...» Были и такие плавки, что и говорить мастер не хочет. Направит свой синий стельничко в свалочку, планет и отойдет: тнет печь, тняет плавку, пладо, звать, завалил... Только и играют желваки на лице у Николая, губы свисают, и глаза сощурены от досады.

К счастью, такое случалось редко. Человеку, имеющему дело с машиной, мало только уметь её, научиться управлять ею: нужно осмыслить весь процесс труда, его законы.

И коль скоро человек становится хозяином машины, ему становится ясным, что можно придумать режим режимов законов, стоит лишь только правильно организовать работу, стоит лишь только приспособиться к некоторым «мелочам»...

«В этом-то внимании к «мелочам», к секундам и долям секунд, к устройству лучшего порядка, лучшей организации труда и заложена основная черта советского хозяина—новатора производства».

Не раз Николай в обучившемся новым способам завалки. Старое правило: как завалишь, так и выплавляешь. Поэтому же «в-реальной раз по-разному происходит завалка? Что если привести к системе эту операцию? Что если для каждой части печи найти своё применение, например, тяжелевые оброчки от блютинга укладывать на откосы печи, там, где удобнее их програветь? Много, много возникает вопросов и насчёт теплового режима печи. В общем, только успевай отвечать. А ответы рождается у печи. Наблюдать и наблюдать. Пробовать и пробовать».

Николай поделился мыслями со своими друзьями Скрипниковым и Тушкановым, наблюдают теперь ещё двое, новое сообщают Николаю, а тот уже думает, как ускорить процесс завалки. Вот поднимается крышка, и металлическая форма—мульда, нагруженная металлом, входит в одно из окон печи. Переворачивается мульда, высылает шихту в печь. Это работает завалочная машина. «Без-так медленно,—думает Николай.—Медленно, но так ведь было всегда. Ну то ж, что, всегда так было? Вот если в две машины заваливать шихту... Так ведь скорее...»

«Скорее-то скорее, но, смотри, печь остудится, скорее-то скорее, но, смотри, плавление затянется, смотри, не возьмёт печь»,—возникают соображения.

«А ведь, может, и в самом деле так будет»,—думает Николай. И снова: наблюдая и пробуя; узнавая, делился с товарищами, воплекая их!

И как часто бывает, те, кто сначала не верил, сами стали по-новому заваливать и работать споро, двумя машинами, начали давить скоростные плавки, переговня и Николай и его друзей. А они, конечно, сами рады: пошло дело! Можно, оказывается, давать ежеминутно три плавки. Сколько же это стали прибавится, если все сталевары за смену будут давать по лишней плавке?! Много, очень много...

Металл—основа основ нашей промышленности. Потому-то в директивах, принятых XIX съездом партии, на первом месте тутли, на втором—сталь, на третьем—прокат.

«Да, сложная это вещь—плавить сталь, много потов сойдёт с тебя у печи, пока она тебя слушает будет»,—говорил обер-мастер Александр Григорьевич Соколов, тот самый, что учил когда-то Николая. Так говорил он на нежном отчетно-выборном партийном собрании.—Да, сталь... А ещё сложнее воспитать человека... А ещё сложнее воспитать в себе партийную самостоятельность... Вот гладите: не я, старый сталевар, не другие,—а тут сидит постарше меня сталевар—открыл кладку со сокращением времени плавки. Николай со своими товарищами Тушкановым и Скрипниковым открыл. Легко ли было? Легким путём такое не делают... Словом,—завячая свою реку обер-мастер,—поддерживаю кандидатуру товарища Сидельникова в наше цеховое партийное бюро».

Легко ли было коренным образом усовершенствовать метод выплавки стали? Сейчас, когда им трое присуждена Сталинская премия, кажется, что просто...

Но есть ли вообще в жизни тропки пути, когда надо преодолеть, перешагнуть старые нормы, старые привычки?...

Николай поднялся со стула, подошёл, открыл дверь на узенький балочник и вышел. Тёплый осенний московский вечер. Напротив—Дом Советов. Минутами в ещё кое-где светлыми окнами. Внизу—искры несведущих троллейбусов, сигналы редких автомобилей. Было тихо и безветренно.

Николай закурил, представил себе тот участок, на котором стал мастером и о котором только сейчас спрашивал у Соколова по телефону. Четыре печи, а у печи значимые лица молодых сталеваров, подручных, людей, в сердцах, и молоту которых лежала немало добрых его советов. Вот Ерёмин. Его хоть сейчас бери в мастера. Николай Седов тоже начинает понимать хать планвится стали, а ещё под Седов-младший, Анатолий, хоть и сталевар, а ещё под наблюдением. С ним придётся ещё поработать немало, так же как с подручными, которых Николай знает в сталевары.

Николай задумался. Дела виделись огромные: вся страна переживала чувство великого подъёма, вызванного новым и могучим движением, движением к коммунизму.

Ленинградское нахимовское училище. Помощник начальника политотдела лейтенант Ю. И. Кучеров вручает комсомольский билет вице-старшине Э. Днепрову.
Фото Я. Халипа

Старший прораб Береславского стройрайона Волго-Донского судоходного канала имени В. И. Ленина комсомолец Анатолий Былинкин, награжденный орденом Трудового Красного Знамени.

Фото Н. Яковлева

Борис ПОЛЕВОЙ

РУКИ

Рассказ

По законченному заводскому двору, затянута густыми туманами дымовыми, валившими из многих труб, горюлаво летела небольшая и тихая охотничья на причудливая группа людей. Рабочий день на «Красном Чепеле» — крупнейшем в Венгрии машиностроительном комбинате — был в разгаре. Меж цехов по асфальтовому дорожке взад и вперед сновали вереницы автокаров, груженных деталями. Тракторы, тягачи, тящан повозки с повывивающимися пучками сортового железа. Противительно звенели сигнальные колокола транспортеров, мощные лапы электрокранов неторопливо поднимали стальные чушки и бережно опускали их на платформы поезда.

В этой ступоке машин и механизмов люди, спешившие по заводскому двору, совершенно терялись. Их попросту было трудно заметить. И всё же рабочие, как-то узнав об их приближении, выбегали из ворот цехов и, толпясь возле них, срывали шляпы, береты, каскетки, выкрикивали дорожно им русские слова:

— Москва, Совети, Стални!

И ещё по-своему:

— Эдьси Стални! Завое Москови! — что означало: «Да здравствует Стални! Да здравствует Москови!»

Худощавый, среднего роста человек в чёрной шляпе, застенчиво улыбаясь, приветливо помахивал в ответ рукой. Он был явно скомфужен таким приёмом, потому торопился, и сопровождавшие его люди едва успевали за ним.

Но весте о госте из далёкой Москвы, облетая цехи комбината, опережая его. Во дворе становилось всё люднее, всё больше рабочих выбегало навстречу; приветствия звучали всё громче, всё горячее.

Так, под шумные рукопожатия, сопровождаемый уже целой толпой, заводский товарищ Павел Борисович Быков из венгерских тружеников народной Венгрии, Муска Имре.

Это был невысокий человек в стареньком, но чистом комбинезоне, с живым угловатым лицом и маленькими прищуренными глазами. Быкову он сразу понравился. Он любил таких вот, как он выражался, «моторных» людей, не теряющихся ни при каких обстоятельствах.

Знаменитые токари трахнули друг друга руки, познакомились; потом Муска заявил, что приветствует московского собрата по профессии как ученика учителя. Он сказал, что, используя опыт Быкова, о котором узнал из газет, выполняет теперь в день по три — четыре нормы. Он просил москвича передать багдарад стехановская советской земли, подвиги которых вдохновляют венгерских тружеников.

Пока всё это переводили, Павел Борисович, продолжая улыбаться, ценник газетом осмотрел станок, на котором работал Муска, оценив приспособления, которыми тот пользовался; тут бы ему незачем пощупал рукой резец и установил для себя, что передовой человек этого первоклассного в Европе завода имеет хороший станок, но резцы и приспособления у него такие, какие в Москве употреблялись ещё на заре стехановского движения.

Тем временем их окружила большая толпа. Все балканские крыла цеха прекратили работу. Станки уступили в шевелящие массе блуз, кофок, каскеток, беретов и шляп. Вокруг рабочего места Муски как бы образовалась амфиатра.

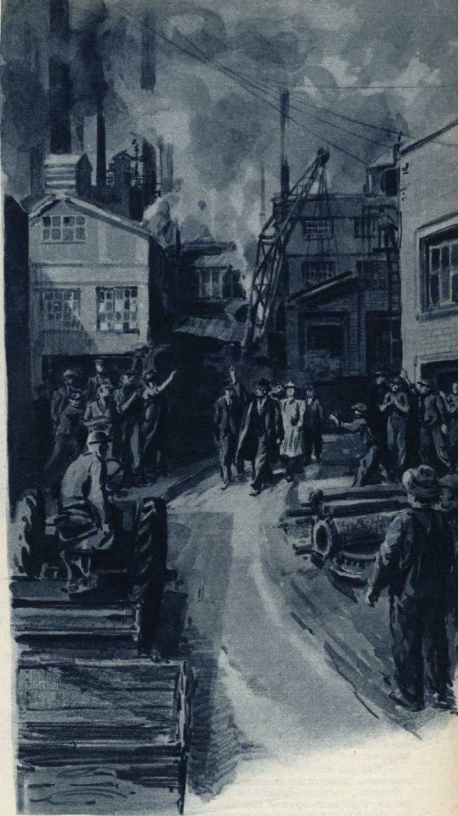
Тут были рабочие в промисловских комбинезонах, техники и инженеры. Все с интересом смотрели на Павла Борисовича. Толпа тихо, но возбуждённо шумела, ожидая, когда тотся заговорит. А москвич стоял среди них, спокойный и сосредоточенный, с улыбкой в уголках губ. Пока что он сам смотрел и слушал.

— Какая у здешних токарей скорость резания? — неожиданно спросил он.

— У лучших? Она достигает шестидесяти метров в минуту. Товарищ Муска у нас — рекордсмен: он драл до ста метров, — ответил инженер, начавшийся токарного цеха, и, в свою очередь, поинтересовался: — А у вас?

— Скорости на нашем заводе дают обычно шестидесять — семидесять метров. Моя рабочая скорость — тысяча, — ответил Павел Борисович.

Пероводчик передал его слова в толпу, и в ответ посыпалась такой шум, что инициальник цеха, стоявший возле тоста, тревожно покосился на окружающую толпу. Павел Борисович не понял, конечно, восклицаний, раздававшихся на незнакомом языке, но в самом тоне их он уловил и восхищение, и удивление, и недоверие. Прямела он также, что в узких глазах Муски Имре вспыхнули восторженные огоньки. Это обрадовало токаря. Он улыбнулся

своей широкой, простой русской улыбкой, улыбкой человека открытой души.

— А вот неидеи три назад, как раз перед отъездом сюда, а Венгрия, довелось мне, товарищи, испытывать новый станок, — сказал он, переходя с официального тона на обычный, каким он говорил дома, в родном цехе. — Пробу и сму делал. Вот это, я вам скажу, станочек! И на нём довёл скорость до тысяч ста, а потом до тысячи трёхсот пятидесяти метров в минуту. И без всякого напряжения!

Пероводчик, заводской человек, вопросительно посмотрел на токаря. Он знал технику скоростного резания металла, и сму думалось, что московский гость обманывал или он не так полагал его.

— Сколь скоро? Пожалуйте, прошу назвать последний цифр... — Тысяча триста пятьдесят, — раздельно сказал Павел Борисович тем тоном, каким учитель произносит слова диктанта.

Пероводчик искоризл восхищения эту цифру. Ужже гавла Муски Имре вспыхнули ещё восторженнее. Но шум, который снова пропел по толпе, на этот раз был уже другим. Одобрительных нот в нём почти не звучало. Быков уловил удивление, недоверие.

Это не понимал. Что ж, он не первый раз за провиния. Он уже знал, что, как бы хорошо люди ни относились к его спранию, как бы радостно ли воспринимали рассказы о её достижениях, им всё-таки трудно понять всё то необычное, великое, что рождает в себе им строгое коммунизма. И, не обращая внимания на явную настороженность аудитории, он принялся него-

ропливо разъяснить методы своей работы, рассказывать обо всём, что позволяло ему достигнуть столь поразивших всех результатов в скоростном резании.

Павлу Борисовичу не раз доводилось читать лекции в высших учебных заведениях и даже делать доклад в научно-исследовательском институте. Он уверенно излагал тему и, говоря о любимых вещах, увлекался и едва сдерживал себя, чтобы давать время переводчику.

И тут он заметил пожилого рабочего в берете и чисто выстиранном, отглаженном комбинезоне. Этот незнакомый человек почему-то сразу привлек его внимание. Что ему надо? Почему он с таким недоверием смотрит на руки московского гостя? Почему так пристально его старческое лицо, изуродованное поблескивающей сеткой седых бровей? А главное, почему он смотрит не в лицо, а на руки, да, именно на руки Павла Борисовича?

В одну из пауз, когда слова токаря переводились на венгерский язык, старик вдруг шагнул вперёд и крепко взяла гостя за руку.

— Что вы хотите? — спросил Павел Борисович, слегка отшатнувшись от неожиданности.

Старик твердил какой-то вопрос. Смущённый переводчик смолк. Рабочие сердито шикали. Кто-то потянул старика за рукав. Начальник цеха тоже пытался отвести его в сторону. Но старик стоял, крепко расставив свои толстые ноги, упрямо, вновь и вновь повторяя те же слова.

— Да переведите же, что он хочет? — спросил Павел Борисович.

Но тому, как застенчивые окружающие, он почувствовал, что сейчас произойдёт самое важное в этом его дружеском визите на венгерский завод.

— Он просит вас показать всем свои руки, — пробормотал смущённый переводчик.

Не отдавая себе отчёта, что означает эта необыкновенная просьба, токарь понял только, что старый венгр в отглаженном комбинезоне не верит его словам. Дальше получалось всё как-то само собой. Подумав, что он на чужбине, токарь снял пальто. Он попросил у Муки хаит и достал из кармана брзок свой резец, который привёз, чтобы показать его на венгерских заводах. Поставить резец на станок — дело нескольких минут. Укрепляя резец, Павел Борисович сердито бормотал, что рассказывать больше он не станет, а будет наглядно демонстрировать, как работает советские токарно-скоростинки.

Надлеяла станка — дело злательное, но пока он возился на рабочем месте Муки Имра, все окружающая его толпа точно застыла. Люди следили за быстрыми движениями рук, будто это были руки фокусника. Потом Павел Борисович выпрямился, вытер со лба пот и попросил увеличить число оборотов с трёхсот до семисот.

— До семисот? — переспросил начальник цеха.

— Для начала попроси до семисот.

— До семисот, до семисот!.. — прошепеляло по толпе.

Старый человек в комбинезоне стоял впереди других; он ещё недоверчиво, но уже смущённо следил за тем, как руки русского точно, с простовотом несомненного мастера орудовали у станка. Между тем весть о том, что знаменитый советский токарь будет показывать свои методы, уже облетела цеха. Толпа вокруг станка увеличивалась, уплотнялась. Семисот оборотов! Это было неслыханно даже на этом первоклассном венгерском заводе.

Павла Борисович пустила станок, и пока он прогонял первую стружку, взоры всех сосредоточились на режущей кромке резца с тем возбудительным напряжением, с каким зрители боксёрского боя смотрят на финишного аиста в дни соревнований.

Станок работал. Токляр всё время слышал за своей спиной напряжённое дыхание сотен людей. Понимая, что тут, на заводе, который совсем недавно ещё принадлежал капиталистам, он демонстрирует перед людьми, начинающим приближаться к социалистическим методам труда, всю нашу индустриальную культуру, Павел Борисович испытывал тот радостный подъём, который всегда ощущал в себе при опробовании каждого своего новаторского усовершенствования.

Все чувства заострены. Сердце бьётся радостно, мозг работает с предельной чёткостью, грудь глубоко дышит, хочется пить... Теперь уже он был уверен, что, увеличив скорость, далеко ещё не исчерпал возможности станка, что станок этот, хотя и уступает новейшим советским моделям, ещё таит в себе много скрытых резервов.

Станок и резец выдержали испытание. Он спросил как можно более спокойным тоном:

— Сколько оборотов станок может дать максимално?

— Тысячу четыреста, но это предел. Это, так сказать, рекламный предел, — ответил испуганный начальник цеха.

— Я прошу вас перевести на тысячу четыреста оборотов, — твердо сказал Павел Борисович.

Шум, похожий на тот, что пробегает по вершинам деревьев перед первыми ударами грозы, был ему ответом. Ардя застыл. Только теперь Павел Борисович заметил, что ликом уже в цехе все работает. Ардя карбаласел, а за штабелем железа, зловонными поддонками, гроздьими вискаси с пожарных лестниц.

— Простите, я не могу этого разрешить. Может произойти несчастие. Ведь так никто ещё в Европе не работал! — бормотал начальник цеха.

Он был бледен, капальки пота сверху на него на висках, намокшие пряди волос принапала к высокому лбу.

— Так работают в Советском Союзе. Ничего не произойдёт. Я ругаюсь! — уверенно ответил московский гость.

И директор комбината, венгерский инженер, работавший когда-то на одном из советских заводов и знающий, что такое слово стандартное, разрешил перевести эксперимент.

Обороты были увеличены.

— Прону всё отойти: может поранит стружкой! — громко сказал Павел Борисович.

Этот перевал несколько раз, однако никто не двинулся с места. Но когда над бешено вращающейся деталью поднялся серый суганок дыма и раскалённая стружка, извиваясь змейкой, рванулась изпод резца, толпа, ахнула, отпрянула, раздалась.

Когда Павла Быкова, стоявшего у станка, осталось только Муска Имре. Уныне, цепкие глаза венгерского токаря старались уловить, проанализировать каждое движение московского гостя.

В цехе настала необычайная тишина. Кто-то, сорвавшись с подоконника, аскрикнул, на него сердито зашикали. Те, что стояли поближе, достав часы, сели на секундные стрелками. Когда деталь была готова, начался крик громко объявив, что она обточена за две с половиной минуты вместо восьмидесяти минут по нормам завода!

И эти слова объявляющая деталь, казавшиеся десятками лежалки возле станка, сложившие в аккуратный штабелёк, стаа ходить по рукам. Её ослепляли как некое чудо, как изумительное произведение искусства.

Вот гостя в цехе и раздалась влодосменты, столь бурные, что Быкову показалось, будто от них дрожат устои, подерживавшие потолок.

Старый рабочий в отглаженном комбинезоне, опустив глаза, медленно подошёл к московскому гостю.

— Спасибо, товарищ, — сказал он, не поднимая глаз, — спасибо за урок... Это урок жизни!

Павел Борисович, в котором ещё не погасли всеёе напряжение работы и чувство победы, одержанной над неизвестным врагом, с удивлением ощутил прикосновение большой ладони незнакомого, ладони шершавой, как подошва. Теперь он понял, что перед ним не враг, как он подумал была сначала, а заблуждавшийся друг, друг навсегда. И, задержав его руку в своей, он спросил старика:

— А руки? Для чего вам понадобилось смотреть на мои руки? Широко лицо старого рабочего густо покраснело.

— Я когда-то работал в Америке и слушаю иногда их радио, — выговорил он с некоторым усмешкой. — «Голос Америки». Там говорят, будто ваши трудовые рекорды — выдумка пропагандистов. И ещё говорят, будто вместо рабочих у вас за границу посылают партийных работников и инженеров. Я не хотел, чтобы меня на старости лет водили за нос.

Теперь Павел Борисович всё понял. Им вдруг овладела безудержная прищипка смеха. Московский токарь захохотал звонко и заразительно на весь цех. И вместе с ним смеялся его новый венгерский друг Муска Имре, смеялись все эти токари, слесари, фрезеровщики, пришедшие посмотреть его работу, смеялись начальники цеха. И, наконец, оправившись от смущения, сначала улыбаясь, потом смеясь и сам старый венгр, пожелавший осмотреть работу Павла Быкова.

— Чтоб они все лошуды, эти американские врали! — приговаривал он, тряпясь от хохота. — И выдумают же!.. Я, ребята, теперь «скорей приёмник сломаю, чем ещё раз поймаю волну Нью-Йорка».

— Тебе б давно его надо сломасть, дядя Лайощ, голова б светлее стала, — посылались ей толпы.

Теперь уже ничто не отделило Павла Быкова от этих венгерских товарищей, окружающих его толпы.

— Расскажите, где и как научились вы так работать, — требовал они.

Что можно было ответить всем им, с обожанием смотревшим теперь на него, простого советского труженника? Мгновенно промелькнула перед Павлом Борисовичем вся его жизнь: ризанская деревня, где он родился в бедняцкой семье; тоффарзаводки, где впервые приобщился к труду; школа заводского обучения, цех, первые новаторские опыты, радость трудового творчества... И не с чем не сравнимое счастье от сознания, что твои трудовые подвиги нужны и полезны не только заводу, но и всей стране!

Он вспоминал, что первую поселевонную ленточку он выложил за десять месяцев, вспомнил, как ему вручили медаль лауреата Сталинской премии. Но всё это были, так сказать, детали, а венгерские товарищи ждали от него точного ответа на свой вопрос.

Кто же в самом деле научил его так работать? Кто сделал его жизнь счастливой и светлой? Кто наполнил каждый обычный день радостью творчества?

Мысленно обзрев свою жизнь, простую жизнь честного советского труженника, Павла Борисович ответил своим новым друзьям:

— Коммунистическая партия, Сталин!

Он очень удивился: этот его ответ был понят без перевода. Цех снова наполнился рукоплесканиями, и все находившиеся в нём люди стали, скандируя по слогам, повторять имя, дорогое и близкое каждому труженнику на земном шаре.

...

Обо всём этом рассказала мне однажды юва Павел Борисович далеко на чужбине, в Италии, в перерыве между заседаниями второго Всемирного конгресса профсоюзов. А потом, несколько лет спустя, довелось мне побывать и на затонувшем дунайском острове, в цехе, где произошло когда-то описанное мною событие. Комбинат теперь уже носил имя Матвея Ракоши, многое стало там неузнаваемым. Но Муска Имре работал на прежнем месте, и я познавательно со вторым действующим лицом этого рассказа.

Муска тоже стал унылым. Его знала вся Венгрия. Мы присели с ним в стеклянной кабинке мастера, и, вспоминая этот давний уже эпизод венгерский токарь сказал:

— То была искра, яркая искра, а теперь по всем заводам нашей страны бьют иамы.

— И много софюв у вас последователей?

— Очень много. И среди них тот старик, что попросил Павла показать тогда руки. Он очень хороший рабочий... Только все они не мои ученики, это ученики Павла.

Муска Имре подумал, чуть улыбаясь своими тонкими губами и добавив:

— Для всех нас солнце взошло на востоке!

Алексей ЛАСУРИА

Подарок

Вспомнилось мне: с нетерпением когда-то ждал я из города старшего брата, ещё у ворот задавал вопрос: — А что ты, Сандро, из Сухуми привёз? Я не был дома без малого год, но вот — оляп под родительской крышей. Где брата встречал я, у тех же ворот меня ожидал мой племянник Гриша. Он не спросил о подарках. С откоса на дорогу скатившись вниз, совсем с другим вопросом на шею моей племянник повис. И ветер уносил, шумя в листья, вихри мальчугану ерша: — Дядя Алёша! Ты был в Москве.

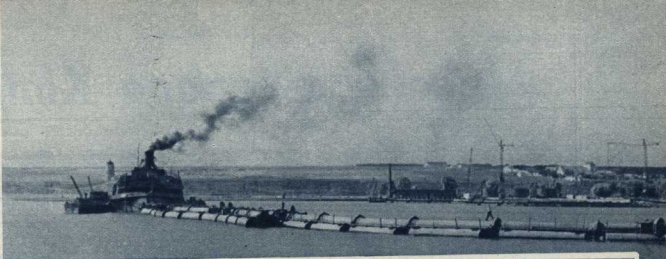
Ты видел Сталина, дядя Алёша? — Видел я... С бурной людской рекой шагаю в красных галстуках детство, с трибуны стране и тебе, дорогой, вожда посылал отцовский привет свой. Он хочет, чтоб ты ещё неустанной учился в школе, чтоб был ты достоин электростанций, высотных зданий — всего, что мы для тебя построим. Скрылось солнце, за горы зайдя, но мир для мальчишки, как полдень, ярко. К чему здесь подарок? Привет от Вожда — самый лучший на свете подарок.

Авторизованный перевод с абхазского
Александра РЕВИЧА

делах спра

Фото Н. Козловского
и Д. Шоломовича

Генерал Коллинз

Через город по направлению к порту промчался два автомобиля, наполненных юными женщинами Херсона тревожным гулом моторов. В первом, за задним сиденьем, подвиза восторженно, покачиваясь полковник Эра Дэмпис. Наконец ему посчастливилось, как полагают он, навредить дела и покинуть это проклятое место. Своим заместителем Дэмпис назначил майора Ловета. Майор оставался, так сказать, неофициальным представителем вооруженных сил США при штабе генерала Лансона. Дэмпис вспоминал, как померился чинальным французю, когда он отрекся от своего поста и сообщил, что майор будет представлять при штабе вооруженные силы США.

Дорога в порт не долгая, однако Дэмпис успевал всё подытожить. Вывод был утешительным: с Херсоном стоит иметь хлопоты. Большеевкам отдавать его нельзя. Босс был доволен деятельностью Дэмписа. Неизменно похвалился он она генералу Коллинзу, но в конце концов у них один босс. Пускай Коллинз не строит из себя независимого. Этим он может рисковать наперед неведомым из Пентагона, но не перед Эраом Дэмпис.

— Прибыли, господин полковник! — Ловет высказывает из автомобиля и открывает двери для Дэмписа. Из второй машины выходят французский полковник Форесте и ещё трое офицеров. В потёмках маячат какие-то фигуры. Дэмпис сердечного прощается с Форесте. Креко пожимая руку товарищу, Дэмпис говорит:

— Я весьма благодарен вам, мистер Форесте. Сочту своим долгом быть вам полезным всегда и везде. Не сомневайтесь, что мы с вами встретимся.

Альфу босса надежды, месь Дэмпис, что мы с вами встретимся в Кисево.

«Если тебе повезет, но подстраивай, как куропатку», — думает про себя Дэмпис и продолжает вслух: — Желаю вам счастья, воевать и победить. Мы демократы и зорки, что вы должны быть за демократию...»

— Ола рай! — весело отвечает Форесте. Он доволен. То, что Дэмпис провозащет именно он, а не британский консул, имеет не путяжное значение. В Париже остаются довольными.

Катер уже ждал Дэмписа у причала. Полковник ещё раз пожал руку Форесте и офицерам. Обнял Ловета, сказал:

— Ну, смотрите, Ловет!... и легко прыгнул с трапа на катер.

Через несколько минут катер нырнул в густую тень. Вскоре он, перерезав наискось лиман, пришвартовался к румынскому крейсеру «Орион», который специально прибыл в Херсон, чтобы взять на борт полковника Дэмписа. На корабле первым его встретил капитан. Электрический свет выхватил из тьмы парадный мундир капитана, широкую фуражку, густо облепленную по окантовке золотым позументом. За спиной капитана, чуть поодаль, стояли, выгнувшись в струнку, несколько офицеров.

Держа руку под козырьк, капитан отрекомендовался:

Капитан королевского флота Александру Имекс честь в личной особе, господин полковник, приветствую доблестную армию Соединённых Штатов!

Эра Дэмпис небрежным движением протруслил двумя пальцами к козырьку фуражки и, пожимая руку капитану, спросил:

— Для меня радиogramm не было?

— Есть, господин полковник, — Александру торжественно подав Дэмпис небольшой листок бумаги, — почтаеза назад получена из Бухарест!

— Курс вам известен? — спросил Дэмпис.

Украинский писатель лауреат Сталинской премии Натан Рыбак закончил вторую книгу романа «Орион», посвященную событиям 1918—1919 годов, связанным с борьбой молодого Советского государства против антикоммунистических оккупантов и их интервенционных выходов.

В помещенной ниже главе из второй книги романа «Орион» рассказывается о новаторской деятельности агентов американских миллиардеров на юге Украины, где американские империалисты были организаторами кровавой интервенции против Советской страны.

сим. Прочтите радиogramm и поговорим на мелкие детали, он пригласил его за борт.

— Курс известен, господин полковник! Позвольте вам показать вашу карту и пригласить на ужин.

Крейсер селся с якоря. Придерживаясь весел курс, веселого времени, «Орион» взял курс на Констанцу.

Полковник Дэмпис заперся в своей каюте. От ужина он отказался. Босс тревожится. Нужно немедленно послать ему какой-то грамм.

Дэмпис скинул фуражку и сел за стол, разложив перед собой бумагу. Лёгкое покачивание корабля ублаживало Дэмписа. Он на миг платно сомкнул веки. Наконец-то свою мысль он выложил. Можно ругаться, что здесь, на юге, Дэмпис успевает сделать больше, чем его коллеги на севере. К тому же Украина — кусок очень лакомый. Недаром немцы, французы, англичане лезут к её будущим. Что ж, он хорошо выложил, делая два государственных дела: парламентарий Пока ещё Соединённые Штаты стоят за кулисами. Но не за горами час, когда они будут хозяевами положения. Петляра — ветхость, и все, что с ним, похорошеет. Тем лучше. У Дэмписа депеша от босса подтверждала: делам на юге придать значение в Белом доме. Босс собирался в Европу. Пункт пребывания — Швейцария. Там озера, горы, чудесный вид, и все, что с ним, похорошеет. У Дэмписа депеша от босса подтверждала: делам на юге придать значение в Белом доме. Босс собирался в Европу. Пункт пребывания — Швейцария. Там озера, горы, чудесный вид, и все, что с ним, похорошеет.

— Демпси задумался: написать фамилию президента или нет? Решил: обойтись! Точно так же дайте ваши указания Лансону, пускай он нажмёт в Париже. Вам пришла из Бухарест письма, открыта его Подписавшись под письмом, спрятав его вместе с первым в карман френча. Теперь можно отдохнуть. Взглянул на часы: три часа ночи. Позвывая, вышел на палубу. Капитан Александру как будто выжидал его подаления. Постепенно пошёл на встречу.

— Может, всё-таки поужинаете, господин полковник?

— В нашем обществе с большим удовольствием.

Раз сделаны все дела, он мог быть любезным с румыном.

В кают-компании за столом, обычно заставленным разными блюдами и напитками, Дэмпис совсем повеселев. После второй рюмки он потребовал седого Александру по палучу и пообещал ему свою поддержку. Осушил пятую рюмку, снял шляпку, Дэмпис даже прозрел рот за коралом великой Румынии и храброго капитана королевского флота мистера Александру.

А через два дня Дэмпис уже забыл о крейсере «Орион», как забыл и о существовании какого-то капитана Александру. Из Констанцы в Бухарест он поехал через Плаешти. Там у него была конфиденциальная беседа с представителем фирмы Дюпона. В Бухаресте, в отеле «Палас», Дэмпис встретил Ричарда Фокса и Ричардом Фоксом. Разговор был не слишком долгий, именно такой, какой должен быть у деловых людей. Информация полковника Дэмписа, по всему видно была, похорошеет. Тем лучше. У Дэмписа депеша от босса подтверждала: делам на юге придать значение в Белом доме. Босс собирался в Европу. Пункт пребывания — Швейцария. Там озера, горы, чудесный вид, и все, что с ним, похорошеет.

— Демпси задумался: написать фамилию президента или нет? Решил: обойтись! Точно так же дайте ваши указания Лансону, пускай он нажмёт в Париже. Вам пришла из Бухарест письма, открыта его Подписавшись под письмом, спрятав его вместе с первым в карман френча. Теперь можно отдохнуть. Взглянул на часы: три часа ночи. Позвывая, вышел на палубу. Капитан Александру как будто выжидал его подаления. Постепенно пошёл на встречу.

— Может, всё-таки поужинаете, господин полковник?

— В нашем обществе с большим удовольствием.

Раз сделаны все дела, он мог быть любезным с румыном.

В кают-компании за столом, обычно заставленным разными блюдами и напитками, Дэмпис совсем повеселев. После второй рюмки он потребовал седого Александру по палучу и пообещал ему свою поддержку. Осушил пятую рюмку, снял шляпку, Дэмпис даже прозрел рот за коралом великой Румынии и храброго капитана королевского флота мистера Александру.

А через два дня Дэмпис уже забыл о крейсере «Орион», как забыл и о существовании какого-то капитана Александру. Из Констанцы в Бухарест он поехал через Плаешти. Там у него была конфиденциальная беседа с представителем фирмы Дюпона. В Бухаресте, в отеле «Палас», Дэмпис встретил Ричарда Фокса и Ричардом Фоксом. Разговор был не слишком долгий, именно такой, какой должен быть у деловых людей. Информация полковника Дэмписа, по всему видно была, похорошеет. Тем лучше. У Дэмписа депеша от босса подтверждала: делам на юге придать значение в Белом доме. Босс собирался в Европу. Пункт пребывания — Швейцария. Там озера, горы, чудесный вид, и все, что с ним, похорошеет.

— Демпси задумался: написать фамилию президента или нет? Решил: обойтись! Точно так же дайте ваши указания Лансону, пускай он нажмёт в Париже. Вам пришла из Бухарест письма, открыта его Подписавшись под письмом, спрятав его вместе с первым в карман френча. Теперь можно отдохнуть. Взглянул на часы: три часа ночи. Позвывая, вышел на палубу. Капитан Александру как будто выжидал его подаления. Постепенно пошёл на встречу.

— Может, всё-таки поужинаете, господин полковник?

— В нашем обществе с большим удовольствием.

Раз сделаны все дела, он мог быть любезным с румыном.

В кают-компании за столом, обычно заставленным разными блюдами и напитками, Дэмпис совсем повеселев. После второй рюмки он потребовал седого Александру по палучу и пообещал ему свою поддержку. Осушил пятую рюмку, снял шляпку, Дэмпис даже прозрел рот за коралом великой Румынии и храброго капитана королевского флота мистера Александру.

ство США в украинские дела нарушает экономические интересы некоторых государств. Они пожелали быть в курсе дела, ради которого Фокс и Гуальд выехали в Херсон. Пришлось прибегнуть к такому объяснению:

— Президент Вильсон хочет иметь подробную информацию от деловых людей. Ему надоели декларации политиков и дипломатов. Бизнесмены скажут недвусмысленно, стоит ли вкладывать доллары в Директорию.

— Но Фокс и Гуальд получают плату от Morgana и Рокфеллера, а не от правительства, — возразил мистер Коноли, посол Британии.

Дампсис любезно улыбнулся. «Невозже, старый осял! — вертелась у него на языке. — А разве Morgana и Рокфеллер не платят Вильсону?»

Закуривая сигаретку, пояснил:

— Президент желает иметь информацию из всех источников.

Наконец в Бухарест прибыл генерал Коалица. С ним Дампсис неизменно находил общий язык. Рыжеватый, будто облитый расплавленной медью, сухоощавый и высокий, с неуклюжей журавлиной походкой и длинными руками, лишённый всякого представления о вежливости и этикете, генерал Коалица играл роль так называемого солдата, который никого и ничего не боится. Иностранцы дипломаты, генералы, адмиралы и министры не любили Коалицу. Он не признавал никаких возражений и никаких государственных суверенитетов. На всё у него была один ответ:

— Соединённым Штатам эта комбинация не подходит.

Когда он так говорил, Дампсис пожимал: «Это не подходит Рокфеллеру, Morgana, Форду, Дрюону».

Его появление в Бухаресте вызвало тревогу в дипломатических представительствах стран Антанты. Британец Коноли сказал французскому послу Жамеу:

— У этого нахала превращён биржевого маклера! Поверьте, вы ещё увидите, как он заработает локтями! Нам нужно глядеть в оба и действовать сообща.

Однако Коноли и Жанен посетили Коалицу каждый в отдельности. Жанен сказал Коалицу:

— Коноли питает какие-то странные надежды, он хочет, чтобы все богатства Украины были в руках Британии.

— Глупости! Хозяин тот, у кого деньги, — небрежно обронил Коалица.

Британский посол доверительно предупредил генерала Коалицу:

— Французы недаром захватили командование силами Антанты в Херсоне. У них твёрдый план подчинить Украину себе. Клемансо подписал секретный декрет об определённой поддержке Петлюры и его сторонников. Францужки строят дальновидные планы: сперва Украина, потом Крым, затем Чёрное море, Румыния, Болгария, Югославия. Они хотят господствовать на юге Европы, на Балканах, в Чёрном и Средиземном морях.

— Хозяин тот, у кого деньги, — снова развязно кинул Коалица. — Вы не беспокойтесь.

Возвращаясь в посольство, Коноли думал в машине: «Наха Коалица! Как он смеет так хвастливо отвечать мне? Но посол вынужден был согласиться с неопровержимостью слов Коалицы. Правда, доллар побеждае всё. Старый, заслуженный, овеянный ветрами океанов и морей, пахнувший потом и кровью английский футит, перед которым ещё не так давно открывались двери в любую страну, несколько поблек и утратил свою силу. Доллар встал вверх. И вверх взошли дипломаты из-за океана. Они не носили высоких цилиндров и фрагов, но придерживались дипломатического этикета и плохо выдержив французским языком. На международные конференции и совещания в Париже, в Лондоне или где угодно они вали себя, как ростовщики и биржевики. Это была новая порода дипломатов-бизнесменов. И старому дипломатическому шакалу Коноли, за

— Халло, Эрл! Сильно вам заплатил Morgana!

спиной которого было немало грязных дел в Китае, Малаяе, Африке и Индии, пришлось признать, что американцы его неукатировали. Как англоязычная дотдага, осыпая мысль, что на Украину, в Россию, американские коллеги сползутся наравне со всеми. Коноли, старый и хитрый шакл и лисица (кем когда нужно, тем он и был), прекрасно понимал, что взять на

содержание Петлюры или Деникина — это ещё не означает стать хозяином на Украине или в России.

Коалица думал иначе. Е даже Дампсис не взял сразу в толк, куда клонит генерал. На этот раз он выложил свои новые качества. Прежде всего он посетил короля Румынии. Потом побывал в Палестине. Вернувшись из Палестины, он велел Дампсис

собрать в американской миссии всех дипломатических представителей Антанты. Собственно, это был товарищеский ужин, а не конференция дипломатов. Колязин был на двоих внимателен и вежлив, как никто. По его мнению Колязин поднимал. Все сразу поняли, что генерал скажет что-то новое. Стиснув пальцами бока, Колязин сказал:

— Господа, мы стоим перед сложными и серьезными событиями. Большевизм угрожает нам всем. А самое худшее у него есть, единомышленники в наших странах. Мы должны объединить наши силы, чтобы преодолеть большевизм. Наше первоочередное задание на это — отоварить Украину от Москвы. Украина теперь имеет что-то подобное правительству — Директорию на главе — мистером Петляров. Президент Вильсон и конгресс заинтересованы в успехе государств Антанты на территории всей Российской империи. В частности, нам надо кончить с большевиками на Украине. И теперь мы должны быть заодно. Все силы на то, чтобы уничтожить большевизм, — такова наша цель. Я пью за это! А завтра за работу... Пью за это также.

Сказанное генералом понравилось дипломатам. Высокий американец даже пообещал. «Пока что заодно», — так думал каждый из присутствующих, — а там видно будет...»

Генерал сказал Демпси после ужина: — Дурной, они думают, что мы без них не обойдемся. Мы вылезем из серьезного дела на Севере. Дальний Восток, Архангельск, Владивосток, Сибирь... Это лакомый кусок, Демпси... Там у наших ребят порядочно хаюлот. А тут пуская умирают французы, англичане, греки, румыны, турки. Вся эта европейская цивилизация, все эти туземцы... Мы даём доллары. Это не мелочница. И мы должны иметь прибыль.

Колязин подвинул и стал болталым. Кокунишис с Демпси и китро прикуривая, сидят в углу кабинета.

— Хелло, Эра! Сколько вам заплатит Морган? Демпси прикусила губы. Так и подымала сказать: «А вам, генерал?» Вместо этого от отвятил.

— Хотите, эсрл... Колязин поставил бокал на стол. Хаюлну Демпси тяжёлой рукою по заткнула: — Вы пьют, Эра, но вы порядочный бизнесмен. Я вас за это люблю. Однако нужно вам укоротить аппетит. Самиком много проглотить и можно подвизаться. В департаменте о вас всякое галут... Понятно? — Я понял, мистер Колязин. Благодарю от всего сердца.

Это иной разговор. Вы сообразительный человек, Эра. Хотите выпить, Эра? Демпси наполнила стаканы.

— Только вам. Совершенно конфиденциально: все боева дала Петляре одиннадцать миллионов долларов, оружия и прочего военного хаюла. В дол на пять лет обязательство. Вы понимаете теперь, Эра?

— Окой, мистер Колязин, — тихо ответила Демпси.

— Теперь спать. И точка! Точка большевизма! Точка над ними ставится, и генерал Колязин, который прибавил в Румынию, с чрезвычайной миссией! Спать!

И ещё даго, пока Демпси укладывала опьяневшего генерала в постель, что-то бормотала и продолжала бормотать уже сквозь сон. Вернувшись в свои апартаменты, Демпси закрыла дверь и села за стол. Писать сводку не хотелось. Где-то рядом, в углу кабинета, за спиной, за тёмным окном, глухо завывали шторм, притамовал и скрежал как-то странное беспокойство, какая-то тревога, пролетающая неуверенно. Он тина её от себя и нивдэ успокоение в том, что сидит в Бухаресте, а не в том проклятом загадочном Херсоне, окруженном степями и водой. Пусть там попустет майор Оловет. Он будет мист

удовольствие говорить с Ланшоном, желанным Приттом и порепутанным фабрикантами... Полюковник Демпси будет наблюдать из Бухареста. Оттуда виднее... То есть спокойнее...

Однако когда через две недели в Бухаресте вдруг приехали неожиданно-нежданно Гуальд и Фокс, у полковника похолодело сердце. Он только всматривая, узнав об их приезде. Вечером того же дня, потирая руки, Гуальд нервно бега по просторному залу миссии и сыпал обрывками суждений. Фокс острые взгляды на Колязин и Демпси:

— Вы, Демпси, открыли, но ничего там не сделали! Где наши войска?

— Ногодите, там французы, англичане, греки, румыны; наконец, там армия Петляра и герцога Гуальд Колязин.

— Они бездельники, бонтея высунуть нос за пределы Херсона! Генерал Ланшон — тришка, старое чучело! Мы говорили с предостерегаемым Директорией. Они перемали письмо от Петляра на имя Вильсона. Простит, что наш флот прибыл в Олассу, в Херсон. Они отдали себя под наш протекторат...

— Слышите, Гуальд, вы бизнесмен, — Колязин поднимал и стукнула ладонью по столу, — а порте чужой. Нам не они нужны, а предостерегаемые завозили, бездельники, моря. Разве у нас мало такого барахла, как Петляра? Из Закарпатской Украины тоже обивают пороги, просят протектората, а проклятые туземцы хотат к большевизму.

— Колязин, — заметил завовавший меру Фокс, — учтите, что деньги уже вложены в это дело. Мы не можем терпеть убытков...

— Что ж вы хотите? — за отгрынулся Колязин.

— Начинайте войну! — крикнул Гуальд. — Мы ведём её на Севере. Вылезайте на Юге незяль.

— Дая Юга у нас французы, греки... — Демпси хотеа развить свою мысль, но Гуальд закричал:

— Не сорвите мне тухлатиную! Надо толкнуть в эту кашу немеш!

— Будто вы не знаете, что делается у них в Германии, — ехидно заметил Колязин. — Обратитесь к кайзеру Вильгельму, возможно, он вам поможет.

— Нет, кайзеру, кинутит! Когда немцы возились со Скоропадским, нужно было их поддержать. — Тогда, когда бы кайзер, они держались иной политикой. Крупф фон Волен сам хотее проглотить лакомый кусок сада. А теперь у них белаи. И потом не забывайте, мы демократическая страна. У нас определённые традиции...

Гуальд сил пиджак. Рубашка на спине намолота от пота.

— Что ж делать? — Мы всежиде, как полагается, на французском, англичан. Пусть воюют.

— И как можно скорее, скорее, господа! — Фокс поднимался с кресла. — Советы на Украине входят в силу. Их правительство пользуется популярностью. Нельзя терять времени. Каждый час стоит сотни тысяч долларов.

— Миллионы долларов, чёрт вас побери, Фокс! — зарева Гуальд. — Вы понимаете, миллионы долларов! Херсон немилымло отдавать большевикам.

— Мы всежиде, как полагается, — высокомерно сказал Колязин, — и точка! Этого достаточно. Это сказал я, генерал Колязин. Я всего миссия выполню, будьте спокойни! Развёлся стук в дверь.

— Какого чёрта! — зарева Колязин. — Я прижиде, когда не прутетит!

Демпси подошла к двери и противояна ей. Двумя пальцами взяла протянутую офицером телеграмму и вернула к столу.

— Что там? — спросил Колязин.

Демпси бега прочитала телеграмму и затем, слегка поблдев, даго проговорила: — Телеграмма от герцога Боншвики. Взгляд Херсон, Французы и англичане бежаи.

Перевод с украинского
Татьяна СТАХ

Ю. ВОЛИН

БУДУЩЕ ТЕАТРА

— Это было лет пятнадцать тому назад. Часте в Бухаресте, в Румынском театральном училище, шли занятия на репетиции драмируны. Под руководством режиссёров областного театра С. Вильсона и артиста-художника, известного художественному критику, ставили одноактные пьесы, создали запоминающийся спектакль по драме П. Шварца «Возвращение к родине». Многие роли в этих детских спектаклях исполняла Кира Фёдоровна. Она была влюблена в любовь и искусство.

— А потом... исполняет Ева Владимировна — меня принесли в Румынское театральное училище. Оно окончательно определило мой жизненный путь. После училища я пришла в дружный творческий коллектив Воронежского театра.

Много интересных и больших и маленьких ролей сыграла Кира Фёдоровна на сцене театра. Её несомненно, широчного диапазона дарование позволило ей выступить почти во всех ведущих спектаклях репертуара.

Вот она молодая пара Людмила Кричинная в «Солнечной ступе» Гоголевского. Эта роль особенно близка артистке. Яркини и разнообразными красками спектакля Фёдоровна наполнит этот образ. И зрители увидели, на сцене Людмила Кричинную — одну из тех, кем всегда по праву гордится наша артистка, надлежало стремиться ко всему новому молодое поколение. Вот Соня, в образе которой так ясно отразилась её высокая творческая культура (спектакль «Ваня» и рядом Ксения в «Разломе» Б. Лавренца). У талантливой артистки нашлись совершенные образы в спектаклях «Семья» и «Семья» ставшая для этой эпопеи, возлюбленной и бесценной артистки.

Мастерство артистки Фёдоровой растёт с каждым новым театральным сезоном, с новыми ролями, с новыми спектаклями. Она и умело ставит творческую молодёжь. Ей смело доверять ответственные роли.

Она — самозабвенная артистка-инициативница, артистка Роза Энгель, сыграла в спектакле «Девочки-красавицы» роль старшей артистки бригады молодой бригады Машин Раининой. С молодым задором, с настоящей жаждой творчества, с любовью к своему делу сыграла Роза Энгель. В её поступках и отношениях с товарищами, с коллективом, правдиво выразил этот истинный характер.

С успешным выступила Роза Энгель и в ролях классического репертуара. Один только перечень их говорит о больших творческих возможностях этой артистки. Это сыграла Ларсу в «Вспридрициане», Машу в «Июном трупе», Нишу в «Маскараде», Лидию в «Вараха».

В том же спектакле — «Девочки-красавицы» — большой творческой удачей молодой артистки является исполнение роли старшей секретаря партийной организации завода Андрей Николаевич Мороза.

«Кабинет секретаря партияма. К Морозу, ведущему разговор с новым старшим мастером Сергеем Третьяковым, врываются эволюционные девушки из бригады Машин Раининой. Они недовольны порядкам на их производственном участке, недолюбливают результаты своей работы. Как чуткий и внимательный старший товарищ Мороз, как опытный и находчивый секретарь партийной организации Мороз, Борис Левицкий ведёт эту сцену с большой простотой, но с большим пониманием.

Созданный Б. Левициным образ секретаря партияма Мороза — очень жизненный и правдивый образ, на выступил на многих ролях. Так же, как и Кира Фёдоровна, из кружка Воронежского городского дома пионеров пришла в театр Кира Боншвики, артистка Волфа Гинин. Сейчас это уже вполне сложившаяся молодая артистка.

Участник смотра театальной молодёжи Волф Гинин выступает в ведущих ролях в спектакле «Возвращение к родине» Боншвики, в спектакле «Девочки-красавицы» и другие. Игра большинства молодых исполнителей в этих спектаклях была по праву оценена зрителем. Многие артисты заслуга в этом народного артиста республиканки Анджия Васильевна Полюнова, проработавшая в театре, поназанные на гастролях в Москве. Это «Девочки-красавицы», «Разлом», «Девочки-красавицы» и другие. Игра большинства молодых исполнителей в этих спектаклях была по праву оценена зрителем. Многие артисты заслуга в этом народного артиста республиканки Анджия Васильевна Полюнова, проработавшая в театре, поназанные на гастролях в Москве. Это «Девочки-красавицы», «Разлом», «Девочки-красавицы» и другие. Игра большинства молодых исполнителей в этих спектаклях была по праву оценена зрителем.

— Радастие очень приятно сознавать старшему поколению, — говорит А. П. Чернов, — что оно передаёт своё мастерство в надежные молодые руки.

Воронежский областной драматический театр. Финальная сцена из спектакля «Разлом». Отправка крейсера «Заря» в Петроград на помощь большевикам. В центре — заслуженный артист РСФСР С. И. Павлов.
Фото Б. Борисова

Студенты Московского горного института Анатолий Белов и Талла Егеревз знакомятся с новым рудничным освещением в лаборатории горной электротехники.

Фото А. Моклецова

СУДЬБА

Для париков расчёсывали пакало,
Из ваты настежь делали сэжожки.
Ты поминь наши шумные спектакли,
Наш дружный драматический кружок?

В лицо нам бьёт прожектор, словно солнце,
А тёмный зал наполнен тишиной.
Сегодня мы с тобой краснодонцы:
Ты — Уля, я — товарищ Кошевой.

...Мой голос звучит
По-маальшески звонко,
Когда я, волнуясь, пою
Последнюю песню Олега —
«Орбиска» —
Любимую песню моего.

Во рту переосоло,
Лоб в капельках пота,—
Алёфская техника? Нет.
Откуда ей взяться,

Когда мне всего-то
Шестнадцать маальшеских лет.
«Орбиско, орбиско,
Взлети выше солнца!» —
Я так же б, наверно, запел,
Когда бы меня,
Как моих краснодонцев,
Фашисты вели на расстрел.

Мы шли на смерть,
И зритель со слезами
Гордился мной, завидовал тебе.
А мы с тобой завидовали сами
На сцене воплощаемой судьбе...

И мы ещё нагрянем в эти стены,
Где в детстве выступали столько раз,
Чтобы взглянуть на то, как наша
смена

Играть на нашей сцене будет нас.

г. Петрозаводск.

Ясная цель

Я. СХУРУКОВ

Когда Анатолий Белов впервые спускался в Кировскую шахту «Большая», его охватила робость. Триста двадцать семь метров вниз по стволу показались ему очень длинной и опасной дорогой. Анатолия пугало всё — и влажная прохлада подземелья, и стремительный полёт вниз, и лёгкое покачивание кабины. Сердце неприятно шемело, и всё время казалось, что вот-вот канаты подъёмной машины лопнут и тогда все они, студенты-практиканты Московского горного института, полетят в бездну.

«Нет,— подумал Анатолий,— видно, не брать мне горняком. Вот спущусь в забой, посмотрю — и прочь горный институт!»

Клять между тем замедлила спуск и, плавно покачнувшись, встала.

— Приехали, выходи,— сказал чей-то приятный басок.

Перед глазами Белова и его сверстников открылся широкий, ярко освещённый электрическим светом площадок околостольного двора. Здесь то и дело проходили люди в высоких ремённых сапогах и брезентовых куртках. Они оживлённо разговаривали, смеялись. По узаконенным путям вниз и вверх сновали электровагоны с длинными остовами порожних и трудящихся железной рудой вагонок. На одном из электровагонов Анатолий заметил девушку в обычной шахтёрской каске. Она привычно управляла подземным поездом и тихонько напевала:

На вихру идут молодые шахтёры,
Трудом прославляя родной Кривой Рог.

Белов почувствовал, что он краснеет. Как это студент второго курса электромеханического факультета, он, кому в будущем предстоит работать не только по эксплуатации горных механизмов, их усовершенствованию, но и воспитывать людей, поддался первому впечатлению!

Анатолий вкоса посмотрел на товарищев, словно ожидая упрёка. Но друзей его смело шагали в забой, с любопытством рассматривая оборудование шахты. Постепенно Анатолий привыкал к новой обстановке.

— Ребятка, смотрите,— сказал он товарищам,— здесь сигнализация по приёму и отпуску электровагонов, как в московском метро, вот здорово!

Конечно, шахта «Большая» далеко не походила на московское метро. И Анатолий убедился в этом сразу, как только попал в забой. Здесь просачивались, а местами просто текли потоки мутной воды. Её откачивали насосные машины. Горняки мужественно сражались с природой. Умело применяя технику, они отводили железную руду, одну тону за другой.

Глубоким уважением проникся Анатолий к этим отважным людям — жителям Кривого Рога. Ему радостно было видеть их, простых, сильных советских шахтёров, добывающих уголь и руду, борющихся за свет и тепло, за дальнейший расцвет нашей Родины. Теперь Анатолий уже готов был гордиться тем, что он, простой колхозный парень из Владимирской области, будет работать рядом с этими закалёнными в труде горняками!

Москва. Родной Горный институт имени И. В. Сталина. Кончилась производственная практика.

Учиться отличню, быть примером для других — такую цель поставил перед собой Анатолий, возвратившись из Кировской. И чем больше он приобретал знаний, тем яснее становилась цель его будущего. Ведь он, как и другие горные специалисты, должен прийти в шахту новые и глубокие знания.
— Уже сейчас, во время учёбы,— говорил как-то Анатолий на комсомольском собрании,— мы должны думать о том, чтобы путём механизации полностью освободить шахтёров от тяжёлого физического труда.

Первый экзамен после практики Анатолий сдал на разработку пластовых месторождений. Белов понимал, что после этого пережить на шахте он не имел права. Славный экзамен ниже, чем на пилёрку. Анатолий упорно изучал всю рекомендованную литературу и ему заслуженно поставили в зачётной книжке «отлично». Потом в этой же книжке появились отличные оценки по прикладной механике, электромашинам, сопротивлению материалов, политекономии, математике. С такими оценками он окончил первый семестр двух курсов, а затем и второй. В этом году Анатолий стал сталинским стипендиатом. Это почётное звание сохранилось за ним до сих пор.

На втором курсе девятнадцатилетнего Анатолия комсомольцы электромеханического факультета избрали своим секретарём. В комсо-

мольской организации насчитывалось тогда около пятидесяти человек. И новому секретарю очень хотелось, чтобы все они учились отлично.

Работать с комсомольцами пяти курсов было трудно. Перокручники интересовались одним, пилтукручники требовали совсем другого. Правда, различные запросы в какой-то мере разрешались на общих факультетских собраниях, но такие собрания проводились редко — один раз в полтора.

Курсовые комсомольские организации тогда только создавались. Они ещё слабо боролась за высокую успеваемость студентов. С этого и начал Анатолий свою работу. Он собрал секретарей курсовых организаций и как бы между прочим спросил их:

— А учка, расскажите, друзья, какие у вас оценки?

Большинство уверенно ответило, что у них всё в порядке. Только Юрий Келарев, секретарь комсомольской организации второго курса, молчал, опустив голову. В его зачётной книжке стояли три тройки.

— Завлекись ты, Юра,— упрямил его Анатолий.— Лекции не записывайся, пропускаешь занятия. Так не годится. Требовать отличной учёбы от других — это ещё не всё. Надо самому учиться отлично.

Комсомольцы второго курса вскоре избрали себе другого секретаря. Но Келарев товарища не забыл; он знал, что Юра — способный студент и может учиться лучше. Знал об этом и Анатолий. Он стал чаще встречаться с Келаревым, не раз по-дружески беседовал с ним. И Юра под влиянием товарища изменил своё отношение к учёбе. Теперь, когда Келарев стал отличником и заместителем секретаря комитета комсомола института, он часто говорит о Белове:

— Толя — хороший товарищ. Он умеет расположить к себе людей так, что каждому хочется назвать его своим другом.

И действительно, друзей у Анатолия много — все комсомольцы факультета, а их около девятисот. Комсомольцы — большая сила во всей многообразной студенческой жизни...

— Наиг студенты,— говорит Анатолий Белов,— сейчас с особым рвением стремятся стать хорошими специалистами. Скоро мы с радостью примем участие в выполнении директив XIX съезда нашей любимой партии.

НАЧАЛЬНИК ДЕПО

Рассказ

Почти три года Костя ездил проводником в пельмогательской вагоне. И когда ему дали вагон № 448 с новой, усовершенствованной системой отопления, которую Костя не знал, он не смутился и сказал: — Ничего! Не боги горшки обжигают, одолев и эту трудность!

Прометей Костя инструктор с пятого на десятое — времени-то не хватало — и пошел вагон принимать. Крепко он надавил на свою голову. Хоть и горяча она была, но пока не подвела.

Поезд Москва — Владивосток отправился из столицы в январский полдень. А погода стояла что вострой! Телушки, с крыш капает, и в вагонах не прогой. Пассажиры посмеиваются. «Повезло», — говорят, — нам: пока до Байкала доберемся, лёд и растает. В полной красе это замечательное озеро увидим. Ну, и Костя, конечно, доволен. Хотя его и не пугала новая система отопления, но без морозов как-то спокойнее, тем более, что в четвертых соруж восьмой пассажиры попали пожелле, но всему видать, любящие тепло. Особенно беспокойлась одна старушка, маленькая, худенькая, с добрыми глазами.

— Сивко! — говорила она, когда Костя готовил ей постель. — Ты бы одеяльце второе положи, боюсь, заморозит меня...

— Что вы, мамача! — успокоил её Костя. — Тут и захочешь заморозит, так ничего не выйдет. Включил по последнему слову техники. Крутом автоматика. Температура будет не выше и не ниже, чем нужно для здоровья.

К вечеру все пассажиры переизнакомились. Подобрались компании. Кто в шахматы играет, кто интересуется босуду ведёт, а кто косячками по чомодану и азарте стучит, стараясь противников «судыми косяками» оставить. Только один пожилой майор-танкист, гимнастёрку оратору украл разудачный перелет издевательским взглядом, никак не мог найти себе достойного партия. Он в своем вагоне на шахматной доске вымуждал из сладе любого игрока. В конце концов майор махнул рукой и сказал:

— Ахитя. Завтра войду к соседям. Не верю, чтобы меня кто-нибудь не обыграл.

Утром, позавтракав, майор взял лодыжку шахматы и ушёл. Не было его почти до самого вечера. Вернулся он весёлый и даже вообуждённый. И на вопро первое же пассажира об успехах радостно ответил:

— Можете себе представить: ни одной партии не выиграл! Ну и противника напё... Такого орешек, тогу и глады, зубы сломаешь!

Вечером майор снова ушёл. Ушёл и на другой день, и вообще в своём вагоне его видели редко. Разве только ночью. Костя однажды в шутку ему даже сказал:

— Придётся вам, товарищ майор, из дамской книги выписать, как играть.

— Не спешите, не спешите, голубчик, — улыбнулся майор, — ещё в хозяйстве пригодится!

Вот так и шла жизнь в поезде два дня, размерено, без особых происшествий. Пассажиры были довольно внимательными проводниками, а в течение старались сделать для пассажиров дорожку уютной, неутомительной. И может быть, в последние дни, особенно распустились бы во Владивостоке и в жвазновий системе забавы бы эту поездку.

Но природа не оахотела, чтобы у людей старёлся воспоминания об одиннадцатидесяти проведенных днях. Уже перед Свердловском на телефонном проводке появились ищей. А когда пассажиры на остановке бежали в буфет, снег под ногами скрепился. И в каждом перетомном красной столбик спирта в термометре, что висел за окном вагона, опускался всё ниже.

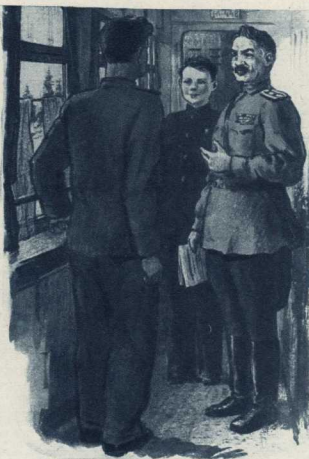
Костя стал чаще подходить к котлу. То углять подробот, то воды подкачает и всё сматриват на стрелки приборов, а те, задвигаясь от толчков поезда, не сходят с лужных цифр.

«Хорошо», — думает Костя, — котёл девиносто градусов, калорифер — шестьдесят, вентилятор работает — комар носа не подтоптит».

А в вагоне между тем, совершенно тепло, почему, холодало. Но Костя не беспокоился и даже сказал напарнику:

— Ерунда! Автоматика вырчит, отрегулирует.

Рисунки И. Казимы

Однако автоматика вырчит не хотела. Утром первой к Косте подошла старушка. Она с укоризной посмотрела на него своими ласковыми глазами и, как бы стесняясь, произнесла: — Заморозил, сынок, заморозил! Одеята, под одеялом и шубой согреться не могу!

За старушкой с претензией пришёл пожилой железнодорожник, а за ним седой врач, за врачом ещё кто-то. И Костя стал терять веру в автоматку. Он ушёл в своё купе, раскрыл инструкцию и, пробежав глазами по строчкам, пытался как можно быстрее понять, в чём причина такого недоразумения. Но усовершенствованная система очень мало имела общего с тем, что он знал.

Продисел Костя над инструкцией не то чтобы много, но и немало. Однако, когда к нему явились делегаты пассажиров, он кое в чём разобрались.

— Не волнуйтесь, граждане, сейчас будет тепло! — уверяло слова Костя и разодышал гаечным ключом стал отворачивать какие-то гайки.

Действительно, не больше чем через полчаса старушка вылезла из-под своей шубы. А ещё через полчаса пожилой железнодорожник спускался с верхней полки и, вытирая потлохотем стволас с верхней полки и, вытирая потлохотем стволас с которого кружками калорифера скатывался пот, громко, на весь вагон, кричал:

— Это чёрт знает что такое! То холодо, из на Северном полюсе, то жаро, словно в бане. Что они там, с ума посходили, что ли!

Улымал Костя эти слова, схватил гаечный ключ и снова гайки завернул, а сам к термометру поехал. Когда температура ушла до пятидесяти градусо, он опять отвернул гайки. Так Костя и бегал от котла к термометру и обратно. За этим оазиатием его и застал майор, вернувшийся из соседнего вагона.

— Вы что это? — спросил он, с некоторым любопытством рассматривая Костя.

— Да вот, товарищ майор, — с досадой ответил Костя, — автоматика что-то подвела... Перешёл, так сказать, на ручное управление.

— За дурную головуво нет ногам покое, пробурчал пожилой железнодорожник. — Сам не справляюсь — другие бы позвал.

Костя промолчал, только румянцем вспыхнул. Заметил это майор, и ему стало жалко такого старательного парня. Попытал он и сказал:

— Тащи, брат, инструкцию, попробуем вместе разобраться.

— Ну что вы, товарищ майор, — попытался отказаться Костя, — я и сам разберусь, зачем нас беспокоит!..

— Ничего, один ум хорошо, а два ещё лучше. Давай тащи!

Сели они тут же, а куне. Разложила чертёжи и начала разбираться влосом. Майор быстро понял общий принцип системы, но, чтобы хоть немного уменьшить горечь кистовой обиды, произнёс, глядя на пожилого железнодорожника:

— А ведь вы знаете, товарищи, сложная система, ей богу...

Костя с благодарностью посмотрел на майора.

Но чем больше они сидели над чертёжами, тем больше майор жалел о произнесённой фразе.

«Э, да ты, голубчик, совсем плаваешь в этой системе», — думал он. — Зря я и за тебя заступался. Тебе, конечно, надо помочь, но так, чтобы эта помощь надолго запомнилась».

А вслух сказал:

— Тут, Костя, на одном старинии далеко не уедешь. Сложная техника знания любит. Нельзя бы посоветоваться с человеком знающим. Вот мой противник по шахматам, что меня обыграл, он начальник вагонного депо... Дай-ка мне инструкцию, пойду с ним посоветуюсь. Он наверняка знает поможеет.

Но хотел Костя иметь ещё одного свидетеля своей беспомощности, а тем более специалиста-железнодорожника, но понимал, что самому справиться трудно. Пришлось согласиться.

Майор вернулся скоро. А за ним шёл парничок лет шестнадцати, в железнодорожном кателе без погон и с комсомольским значком. Нос у парничка был по-смешному вздутый, а на лице рассыпались веснушца, словно дырки на лукошке, отчего весь вид его был аадорным, босяком.

— Ну как, товарищ майор, — спросил Костя, — посоветовались?

— Всё в порядке! Не только посоветовался, а и самого специалиста привёл, — хитро улыбнулся майор, указывая на парничка.

— Вы, товарищ майор, всё шутите, — с обидой в голосе пробурчал Костя.

— Зачем же шутить? — пожал плечами майор. — Товарищ своё дело знает. Так, что ли, Васильев Тимофейвич? — уже к парничку обратился он.

— Да, разбираться невозможно, — стараясь сохранить спокойный тон, нежиданно тонким голосом сказал парничка.

Костя посмотрел на него и увидел смеющуюся физиономию. Это вышло его из рауночсн. Он заговорил откровенно и резко:

— Я отвечаю за вагон, товарищ майор, и не позволю каждому...

Прозвучавшие изумом пассажиры столпились в проходе, с интересом наблюдая сцену.

— Подумай, специалист напелся! — продолжал Костя, горячась. — Небось, первый раз в поезде едешь... Тоже мне, яича курицу учить вздумали.

— Конечно так думать, Костя, — словнобы возражал майор, — сперва позвучат товарища жука, а потом уж говорить. Попрошу вас, Василий Тимофеевич, расшолкните нам, в чём тут секрет, — и с этими словами он развернул перед парничком чертёж.

— И слушать не хочу! — отрезал Костя и быстро ушёл в своё купе. Однако его напарник остался.

А парничка, куда карандашом по чертежу, облысли:

— Система отопления этого вагона отличаетсн от других, чем, что здесь ещё добавились колдсваивающа установка для поддержания ровной температуры в летнее время. Отсюда появляея необходимость и в автоматике. Автомат работает так...

И дальне парничка рассказав, что нужно сделать для поддержания ровной температуры. — Ну, понятно? — обратился майор к напарнику Костя, когда парничка умыл. — Возьми инструкцию и пойдй рассказки емь, а нет, то сам сделай.

Напарник ушёл, а майор с парничкой сел за шахматы.

Через некоторое время к шахматистам подошла пожилой железнодорожник и с таинственным видом сказал:

— Делают.

— Значит, всё будет в порядке, — улыбнулся майор.

Так оно и вышло: температура в вагоне больше не прыгала, а держалась близко к нормативной градусам. Не бежал по вагону и Костя. Только часа через два он подошёл к вагону куда посмотреть температуру.

— Ты что такой задумал? — спросил майор. — За науку обиделся?

— Не за науку, — как-то нехотю ответил Костя, — а за вашу наемскую.

— То есть как за наемскую? — удивился майор.

— Очень просто. Говорили: начальник вагонного депо, а какой это начальник! — и Костя искоса посмотрел на парничку. — Может, он и специалист, но не начальник.

— Ах, вот она в чём, беда! — засмеелся майор. — А яича, Василий Тимофеевич, вырвать меня, покажи удостоверение.

Парничка молча достал из кармана яичка удостоверение и протянул его Косте. Тот взял его с некоторым колебанием. И когда открыл, то на удостоверение устремилась десятка любопытных взглядов. Там же было сказано, что Кирилл Василий Тимофеевич действительно является начальником вагонного депо... детской железной дороги.

И внезапно на всех лицах появилось улыбки, а пожилой железнодорожник просто расшолкотался.

— Ловко он тебя поддел, дружище! — говорил он Косте сквозь смех. — Выходит, что я курница покляла немца дружка: яичко-то несёт не простое, а золотое.

НА БОЛЬШУЮ
ЗЕМЛЮ

НОВЫЕ КНИГИ

«Очень хорошим человеком не просто быть. Нужно делать трудные и благородные дела... И не обращать внимания, если эти дела не будут замечены, скромным быти. Эти слова принадлежат секретарю райкома партии Петру Николаевичу — одному из героев книги омого писателя Сергея Залыгина. Именно они — простые, скромные люди нашей страны — герои его книги «На большую землю»¹.

Книга состоит из двух циклов: «Северные рассказы» и «Зерно». Первый — посвящён людям Крайнего Севера, второй — колхозной деревне. Рассказы Залыгина покрывают глубокую искренность, знанием материала.

О суровости Севера, о требованиях, предъявляемых им к людям, говорит «Северные рассказы». Герои их выживают в чрезвычайно сложных, тяжёлых обстоятельствах, но во всех своих поступках неизменно исходят из интереса коллектива, Родины.

Ненецкий парничка Оська («Осынк арпик») только понаслышке знал о Лениградке, но ему близко и дорого то, за что борются жители города-героя в дни блокады. Оська решает: он обязан преодолеть всё — и страх, и боль, и холод, — чтобы помочь ленинградцам. Чтобы доставить в город 100 варт с мясом для Ленинграда, Оська один овлаивает путь, трудный и опасный даже для опытных оленевиков.

Большая, благодарная душа у старшего наблюдателя гидрологической станции Канева («Пик половодья»). Свой вклад в общий труд советских людей он считает небольшим, себя самого — незаметным человеком. В действительности же работа его требует подлинного героизма, сопряжена с риском для жизни.

Так через дела и поступки своих героев Залыгин показывает индивидуальные особенности их характера, раскрывает духовное богатство, моральную красоту советского человека.

Герой рассказа «В семье деревне» Алёна Полякова учится в четвёртом классе. Секретарь райкома партии Пётр Николаевич взял Алёну с собой на открытие колхозной электростанции. Во время поездки он объясняет Алёне, каким должен быть советский человек, какими качествами должен обладать и как их воспитывать в себе. Сложны эти вопросы и, казалось бы, недостатку понимания мальчика. Но Пётр Николаевич излагает их образно, доходливо, ничуть не снижая глубины и серьёзности затрагиваемых проблем. Тонко и несамтоно пропнкает он в душу ребёнка.

«Хорошо, когда человек понимает большую правду!» — словами Алёна словами Петра Николаевича. Эта абсолютная правда делает несгибаемым, душой героя книгу Сергея Залыгина — оленщика Оську, пшотвождя Булатковых и других; узнав её, возмужал Алёна.

Такие же самоотверженные, бескорыстные труженики, которых слава вышла страна,

действуют и в первой книге Владимира Дудинца «У семи богатырей»².

Книга распадается на две части — «У семи богатырей» и «Руки друзей». В первой части — шик рассказов о взрывниках. Каждый рассказ — самостоятельное произведение, но они объединены общими героями, темой. Сложен и опасен труд взрывников. «Мы — артиллерия, с нас начинается бой, взрывники идут вперед. Бригада маленькая, а открывает фронт для целюг участка», — разъясняет старый взрывник Свердлов. Читатель знакомится с бригадой Свердлов, с восхищением и уважением следит за её работой на строительстве новой железной дороги.

Сплотность, организованность, большая дружба, безграничная любовь к своей работе — вот что делало взрывников Свердлов лучшим, передовым коллективом.

Когда Павел Залетов придумал новый способ взрывания в зимних условиях и сразу же удалось определить товаришей, это вызвало у всех только чувство радости, гордости за друга («У семи богатырей»). Потребность трудиться Родине, уважение и любовь к другу, коллективизм составляют внутреннюю сущность героев Дудинца. Трудясь, они растут духовно и профессионально. Взрывника Гришку — любимца Свердлов — читатель впервые узнал озорным парничком, постоянно нарушавшим технику безопасности. В последнем рассказе шика («Дус и Тимофей») Гришка Мукин — уже бригадир. Вместе с машинистом-экскаваторщиком Тимофеем он предотвращает катастрофу.

Гришка не исключение. Другой ученик диди Прокопа — Алёна Савельев — стал мастером, о котором, по мнению Свердлов, никто заговорит сама Москва. «И так каждый год... Не успеешь привязать к колодежку, глядишь — телеграмма. И уходит. И не когда ему старое помнить, повязание делю есть. И на это место приходит другой... Ничего не поминеш — карьер!» — с радостной грустью думал Свердлов, и не подговаривая о том, как велика его заслуга в воспитании кадров.

Цикл «У семи богатырей» — бесспорная удача автора. К сожалению, не все рассказы аторого цикла — «Руки друзей» — равноценны. Хороши рассказы «В ночной смене», «Двадцать гектаров». Но такие, как «Лыжный след», «Руки друзей», звучат менее убедительно. Кажется, что, создавая их, писатель шёл не от жизни, а от литературы.

Без прикрас, таким, каков он есть на самом деле, рисует Дудинцев труд взрывников.

Рассказы Дудинцева романтичны. Вместе с тем все они глубоко реалистичны. Писатель умеет подчеркнуть наиболее яркие, значительные в характере и делах каждого человека, умеет показывать это рельефно, художественно убедительно.

С. ПАЙКИНА

¹ Владимир Дудинцев «У семи богатырей», рассказы, 24 стр. «Советский писатель». М. 1952 г.

² С. Залыгин «На большую землю», 184 стр. «Молодая гвардия». Москва. 1952 г.

Тренировка

А. МАЛЕИНОВ,
мастер спорта

Ледяной склон круто, на несколько сотен метров, уходил вниз.

— Становись за мной, — сказал инструктор, вырубая ступеньку, — расчищай!

Физически сильный, новичок начал расчищать ступени, а увлекшись работой, он забыл о высоте...

Сейчас этот юноша — смелый, опытный спортсмен.

Суровые условия восхождений, опасности рождают крепкую дружбу.

На трудном подъёме, при переправах через бурные потоки, через бездонные трещины ледников, на отвесных скалах помогают друг другу спортсмены.

Обычно альпинистская группа становится на бивуак ещё заснежено, из зелёной поляны у морозного вала ледника вырастает палаточный городок. И, как свидетельство хорошей спортивной подготовки, вскоре то здесь, то там вспыхивают костры.

Рано утром группа начнёт штурм вершины.

Связавшись верёвкой, альпинисты пройдут ледник, внимательно охраняя друг друга; то по скалам, то по льду поднимутся они на крутой гребень — последнюю преграду к заветной цели.

Как-то в одном из походов, когда свирепый ветер пытался столкнуть нас вниз, группа в три связки по два человека шаг за шагом медленно подвигалась к вершине.

Вот, перекинув верёвку через уступ, Вали Волкова «охраняет» товарища — она удержит его, если он сорвется. Ветер сбросил с головы кашпоном, русая прядь выбилась из-под голубой шапочки, мешает смотреть вперёд.

Вали — студентка педагогического института. «Мы с Уралом», — говорит она, и в этих словах чувствуется гордость за родной край.

Мёрзнут руки, колочат снежинки больно бьют в лицо, стынют ноги. Стоит сделать два шага в сторону, и Вали может укрываться от ветра за скалой. Но этого делать

Горная тропа пересекает одно из красивейших мест Кавказа — Домбайскую долину. Альпинисты вышли в путь к вершине.

Глухо рокочет река, тонкая завеса водяной пыли стоит над ней. Троника, то приближаясь к обрывистому берегу, то удаляясь, исчезает наверху в высокихслях.

Неторопливым и размеренным шагом идут альпинисты. Закончена учёба в лагере. Молодые спортсмены — студенты, рабочие, инженеры — научились ходить по скалам, льду, снегу, познали особенности гор. Теперь — в зачётный поход, на вершину!

Стараясь не сбиться с темпа, молодые альпинисты смотрят вперёд; рука крепко сжимает ледоруб, рюкзак плотно лежит на спине.

Шире стало ущелье, мохнатые ели сменялись низкорослыми берёзками. А впереди склоны гор, покрытые роскошным ковром альпийских лугов, за которыми в лёгкой дымке раннего утра, чуть тронутые первыми лучами солнца,

виднеются снежные вершины; ветер доносит холод снегов.

Всё выше и выше поднимаются альпинисты. Уже не слышно шума реки, тонкой серебрястой лентой змеется она на дне ущелья.

Вот из-за зубчатого хребта поднялось солнце — и разом засеркал, заискрился снег на вершине.

Впереди каждого отделения инструктор — опытный альпинист и первый товарищ в горах.

Когда трудно в походе новичку, когда бушует непогода, а склон крут и кажется непреодолимим, инструктор должен примером удерживать за собой неопытных.

Помню, при штурме перевала Бивачного на Кавказе мы заметили: один из молодых альпинистов с трудом поднимался по ледяным ступеням, хотя они и были прорублены хорошо.

— В чём дело? — спросил его.

— Бюкс, — просто ответил новичок.

Перед восхождением надо особенно внимательно посмотреть снаряжение; юномосолы Леонид Дьянов и Марина Романова осматривают и смазывают альпинистские ботинки.

Смелых

велья. Оттуда не виден ход верёвки, а там, впереди, товарищи! И Валя смотрит вперёд, навстречу злому ветру. Верёвка медленно ползёт вверх; вот она остановилась: идущий впереди, наверно, выбирает путь. Очень холодно, хочется поторопиться! Но торопиться в горах нельзя. Валя ещё крепче скрепляет верёвку.

— Скрепит ли она при срыве? Место там, видимо, трудное. От этой мысли Вало бросает в жар; нет, она крепко стоит на месте.

А вот верёвка снова просится дальше; наверно, трудное место пройдено.

Это вселяет спокойствие, и девушка уверенно метр за метром снова выдвигает верёвку.

А вот, наконец, наверху тонко застил забиваемый крок. — Валя! — донеслось оттуда. — Иди!

Валя спокойно поправляет капюшон.

Мы смотрим её вслед: как-то очень просто и уверенно держит она ледоруб. Как много мужества в её маленькой фигурке!

— Смотри, как идёт наша Валя! — говорит мне товарищ по связке.

«Наша Валя!» Сколько теплоты и уважения я слышу в его голосе...

Пройден опасный участок: скоро вершина. Под скалой отдухают; здесь тихо, только сильные порывы ветра оспают нас сверху снежной крупой.

Дальше верёвки не нужны — сматываем их; они обледенели и стали тяжёлыми.

После восхождения мы спустились по леднику в ущелье. Впереди синели хребты Саанети.

Я смотрю на ребят. Лица ответственные, загорелые. После бури

там, на гребне, мы как-то сроднились, лучше узнали друг друга.

На темномосном свитере у Вали рядом с голубым альпинистским значком горит комсомольский.

Вот он, секрет смелости и упорства!

Боевой задор принесли с собой комсомольцы в горы.

Много славных страниц вписано в историю отечественного альпинизма.

28 августа 1923 года 18 студентов Тифлиского государственного университета взобрали на вершину Казбека, положив этим восхождением начало советскому альпинизму.

Наряду с выполнением задач альпинистского характера спортсмены в малонаследованных горных районах помогали топографам уточнять и составлять карты, геологам — находить полезные ископаемые.

С каждым годом рос, мужал, накапливал силы, приобретал опыт наш советский высокогорный спорт, ставший неотъемлемой частью физкультурного движения страны.

Дважды советские спортсмены поднимались на высочайшую вершину страны — пик Сталина (7495 метров); трижды — на пик имени Ленина (7134 метра).

Где бы ни побывал альпинист — на суровом Памире, в стране «Небесных гор» — на Тянь-Шане, на Алтае, на солнечном Кавказе, — всюду, подымаясь к вершинам, «где потоков рождение», он чувствует себя бойцом перед штурмом, готовым во славу Родины на подвиг.

Тропой смелых идут советские альпинисты, гордо неся знамя советского спорта.

Тяжёла рюкзаки, и путь не лёгок, но с каждым шагом всё ближе заветная цель.

Ветер рассеял облака, альпинисты расположились бивуаком.

Хорошо позавтракать на свежем воздухе.

Альпинисты лагеря «Исра» на вершине пика Ах-су. Впереди — одна из труднейших вершин Кавказа — грозная Ушба.

Чемпион олимпийских игр Анатолий Богданов.
Фото А. Гаранина

СЫН РОДИНЫ

Стрельбой Анатолий Богданов начал заниматься, когда поступил в Ленинградское ремесленное училище энергетиков номер шестидесяти.

Товарищи его увлекались спортом, участвовали в состязаниях. Каждый день слышал Толя рассказы об интересных тренировках, упорной борьбе; особым уважением среди воспитанников училища пользовался стрелковый спорт.

Только же спорт мало интересовал; он больше любил посидеть за книгой, сходить в театр. Но товарищи всё чаще приходили к нему за советами, и Богданов, как настоящий комсомолец, понял, что он сможет помочь друзьям в спорте только тогда, когда сам серьёзно займётся им. И он пришел в тир...

— Пожалуй, стрелка из тебя не выйдет, — сочувственно сказали ему товарищи, когда на первой тренировке Толя не попал даже в мишень. — Зрение, правда, у тебя хорошее, но в стрельбе ведь не это главное. Можно стрелять и в очки. Главное — выдержка. Ты же нервничаешь.

Матча выслушал это Богданов, а сам почувствовал, как в душе растёт досада на себя; хотелось видеть пулю в самый центр мишени!

Только об этом он и стал думать на тренировках. Понять не только в чёрный круг, а в центр яблочки! И, к удивлению всех, он вскоре стал попадать.

Вместе со спортивным азартом пришла и любовь к спорту; не было упреков стрелка на тренировке, чем Богданов. Результаты не замедлили сказаться: через месяц Богданов легко выполнил норму третьего разряда.

Богданов с радостью чувствовал, как спорт помогал приобретать ему качества, которые он с детства уважал в других: волю, хладнокровие, выдержку.

Из училища Богданов вышел электриком пятого разряда; в числе лучших выпускников он был направлен в техникум.

Серьёзно взялся за учёбу Анатолий. Подрезкему времени хватало и для спорта. Он не пропускал ни одной тренировки, участвовал в состязаниях. Бывали неудачи, но Анатолий терпеливо исправлял ошибки, упорно тренировался, тщательно изучал винтовку.

Труды не пропали даром: в 1951 году Анатолий выполнил норму мастера спорта.

В составе команды советских стрелков Богданов поехал на международные олимпийские игры.

Квалифа так серьёзно и продуманно готовился к состязаниям, что всем было ясно: он оправдает доверие Родины.

Двадцатилетнего комсомольца советская команда назвала своим первым, лучшим стрелком.

Номер первый! За рубежом приятно считать, что успеха в зрелом возрасте, когда устанавливается характер, вырабатывается спокойствие и расчётливость.

Зарубежные обозреватели делали вывод:

— Раз у них лучше — двадцатилетние, то можно быть спокойным: успеха русским не выдать.

Те же обозреватели прочли в победителя швейцарца Бюрклер. Однако простые люди Финляндии думали иначе. Утром, когда Богданов отправлялся на стрельбище, уборщика дома, в котором жили советские спортсмены, остановила его.

— Я полюбила вас, советских людей, как родных, — сказала она. — От всего сердца желаю вам победы. Особенно вам, стрелкам. Пусть все знают, что советские люди могут остановить поджигателей войны. Метко стреляйте! Стреляйте лучше всех!

Богданов крепко пожал руку полюбившей женщины.

— Подождите, — сказала она и подала стоявшую неподалёку девушку, которая приближалась к Богданову, распахнула плащ и показала красный галстук.

— Это цвет вашего флага. Пусть именем ваш флаг будет сегодня водно на стрельбище. От имени Союза демократической молодёжи Финляндии желаю вам победы!

Докажите, что дело мира в надёжных руках!

— Я добыю победы! — сказал себе Богданов.

Началось упражнение, которое называлось «беловой стандарт 3X40». По 40 выстрелов должен сделать спортсмен из положения лёжа, с колена, стоя.

Богданов начинает стрелять лёжа. Тщательно изготавливается. Мышца поднимает винтовку. Спокойно берёт на мушку дающую мишень.

Выстрел!

— Десятка! — раздаётся сзади голос мастера спорта ленинградца Бориса Перерина; он смотрит в зрительную трубу.

Выстрел! Снова десятка... Опять десятка... Десятка!

Повали в дух — трёх шагах, стоит гоша. Большинство зрителей пришло посмотреть, как стрелет швейцарец Бюрклер, — он рядом с Богдановым. Но теперь всем становится ясно, что русский не уступит первенства.

Богданов чувствует, как острые взгляды американских «туристов» виваются ему в спину.

«Спокойнее, спокойнее, Анатолий!» — говорит себе Богданов и уверенно посылает пулю за пулей. После 20 выстрелов он набрал 197 очков; 20 выстрелов он оставил про запас.

— Половина мирового рекорда у нас! — подбавляет Перерин. Теперь Богданов стреляет с колена.

После 40 выстрелов он набирает 376 очков. Блестящий результат! Бюрклер начинает нервничать, то и дело кистями яа Богданова, он уже боится отстать от советского спортсмена.

Окончена стрельба стоя. Снова высочайший результат — 352. Богданов ложится. Не зря он оставил про запас 20 выстрелов в этом положении! Лёжа стрелять легче, особенно это важно теперь, когда усталость начинает съживать тело.

Шесть часов идёт состязание. Всё чаще от напряжения набегают на глаза слезы, прыгает прозрень приледа, дрожит мишень. Доносится голос зритель. А раньше их не было слышно... Мешают... А тут ещё ветер усилился, и две пули отклонились от центра...

— Соберись, Толя! — строго говорит Перерин. — Покажи им русский характер!

От голоса друга, от родной речи становится радостно на сердце, словно прибавилось сил!

Пули советского спортсмена снова ложатся в десятку.

Сделан последний выстрел. 1123 очка!

Бюрклер тоже заканчивает стрельбу, осталось два выстрела. Но ему уже не донять советского спортсмена, даже если эти 2 пули лягут в десятку... Победа!

Подбегают друзья, они обнимают, целуют Богданова; здесь и советские спортсмены, и чехи, и румыны, и болгары...

Около постамена почти сгрудились иностранные журналисты, спортсмены, раздаются вопросы:

— Как вам, такому молодому, удалось воспитать в себе огромную волю и выдержку?

— Меня воспитала Родина! — гордо ответил Богданов.

На флажке под звук гимна поднимались знамя Страны Советов.

Выстрел! — Десятка, — доносится сзади знакомый голос...

В. ПАШИН

УНИК ДЕТ ЮНОСТИ

На американском пароходе, шедшем на Констанца в Балтимору, я познакомился с третьим помощником капитана, ярким юнойшей с обветренными щеками.

— Я хочу на этой поездке уже четвертый год... Я хочу бросить браслет на индивидуальную должность, а вынужден, как и прежде, погрязать в работе на корабле.

Помощник капитана нахмурился, помогая и добавил:

— Хотя кан-нибудь надо сплести немного денег: хочу поступить в университет. А кроме того меня давно ждет невеста. Ведь без денег у нас в Штатах нежитья нежитья...

Первое знакомство сразу же открыло мне глаза на неприглядную американскую действительность. Официальная ложь, пропаганда, вопреки фактам, старается показать жизнь в Америке в розовом свете. Газеты, журналы, книги, кино, радио, телевидение на все лады рекламируют «райскую» жизнь под сенью «американской демократии».

Прожив Соединенные Штаты и добрую половину стран Латинской Америки, я познал цену халявного «американского образа жизни», своими глазами увидел, как живут, впадают в отчаяние, подавленные большинством юнойшей и дряхлой американской континента.

Особенно резкие контрасты в Нью-Йорке. Центр города залит электрическими светом, ресторанными, магазинными, розничными особыми, многоэтажные дома. Здесь живут богатые. Но стоит выехать за пределы этих центральных кварталов, как взору предстает убогая, жалкая картина нищеты. Сотни тысяч людей впадают в отчаяние существование в трущобах Нью-Йорка. Мне показали жилище трех молодых рабочих в доме на 4-й стрит, Теннис, сповенная комната с обвалившейся штукатуркой, протечка воды, грязь, стившая развз в комнате, хляк, слышавшийся из соседней квартиры ее обитатели платят треть своего заработка.

На улицах Нью-Йорка много нищих. В Гарлеме и на Ист-Сайде бросается в глаза масса подростков, шатающихся без дела. Им пришлось бросить школу, так как у родителей нет средств, чтобы дать им возможность закончить учебу хотя бы в начальных школах.

Еще более мрачная картина с образованием детей и молодежи в странах Латинской Америки.

В Бразилии, например, для большинства молодых закрыт доступ и

образованию вообще. По сведениям муниципального секретариата Федерального округа Эририя Миньейра, в этой стране с населением свыше чем 50 миллионов не хватает школ для 14 миллионов детей и подростков. По сведениям газеты «Юрреба да вилла», в Бразилии получают образование всего лишь 30 процентов детей школьного возраста. Из этого учащих начальную школу только 7 процентов поступают в гимназии, а в высшие учебные заведения после окончания гимназии идет лишь около 10 процентов.

Известный уругвайский писатель Хосеуардо рассуждал, что типичное материальное положение трудящихся вынуждает уругвайских детей оставлять школу чаще всего после первого или второго года обучения. По данным газеты «Импринса полулар», в Гондуасе учатся не более 20 процентов детей школьного возраста. Во всех странах Латинской Америки, насчитывающих в общей сложности немногим более 150 миллионов человек, не посещают школу 19 миллионов детей и подростков.

Никуда постоянного недоурядие, безработица в США и странах Латинской Америки толкает молодежи на путь беспризорности и преступлений. Выявлены конгрессом Соединенных Штатов «Конгресс ренора» недавно опубликовала данные о росте преступности среди несовершеннолетних. «В 1952 году», предсказывает бюллетень, в Соединенных Штатах было около миллиона детей и подростков, из них приблизительно 300 тысяч будут отданы под суд».

В Рио-де-Жанейро мне довелось присутствовать на разбирательстве одного «сенсационного» дела. Пятнадцатилетний юноша убил своего приятеля. Когда убийца был уличен, он признался, что совершил преступление под влиянием американских кинофильмов и детективных романов, а также издающегося в Бразилии американского журнала-новинс «Джинкс», где на каждой странице смакуются всевозможные попойки.

— Я хотел испытать, что чувствовал, когда убивалась человек...— спокойно объяснил убийца.

На суд выдвинулось, что этот подросток уже три года как бросил школу из-за типичного материального положения семьи. В результате он быстро опустошил, савзавшись с компаниями развз, провалился в материальную зависимость в бильярды и бары.

В Рио-де-Жанейро и крупнейшем промышленном центре Сан-Паулу

Молодые мексиканские школьники в одной из американских школ.

по улицам бродят сотни оборванчески ребятишек, выпрашивающих милостыню, а при удобном случае выпрашивающих сумку или булавочник... Только в Федеральном (столичном) округе насчитывается около 300 тысяч беспризорных детей. Газета «Юрреба да манья» признает, что «Бразилия — страна где совершается самое большое число преступлений, ибо это страна беспризорных детей, несовершеннолетних преступников».

Тот факт, что беспризорность и преступность среди молодежи являются прямым следствием типичного положения трудящихся масс, вынуждены признать и правящие круги Бразилии. Министр юстиции Негро де Лима заявил: «Почти все дети — преступники и беспризорные — выйдут из «фабрик трущоб» на холмы в центре и на окраинах столицы, где живут беднота, главные образцы неграмотности».

Другие страны Латинской Америки не уступают Бразилии первенства в преступности.

Чилийский судья по делам несовершеннолетних Самуэль Гахардо утверждает, что по статистике преступности именно Чили занимает первое место после Соединенных Штатов. По официальным данным, только в столице Чили Сантьяго насчитывается около 10 тысяч вандальных преступников. Аргентина тоже кидит несовершеннолетних правонарушителей. Газета «Ла насьон» сообщает: «Не проходит и дня, чтобы в хронике происшествий не отмечались преступления, совершаемые юношами и девушками, из которых многие почти дети».

Как следствие убогих условий существования и гнетущего материального состояния здравоохранения, смертности в детстве и юношеские годы доходит и в странах Латинской Америки до потрясающих размеров. В Бразилии, по данным, опубликованным в печатном сборнике 42 секунды умирает один ребенок. Только на первом этапе жизни в этой стране погибает ежегодно около 750 тысяч детей. Средняя продолжительность жизни в Рио-де-Жанейро, по подсчетам профессора Педро Эскудеро, составив 23 года. В Чили, в столичном пригороде Ногалес, насчитывающем около 15 тысяч населения, в результате недоура-

ния и различных заболеваний ежегодно умирает более тысячи детей и подростков. В Аргентине, по данным министерства здравоохранения, «из общего количества умерших всех возрастов 45,2 процента составляли дети до 15 лет».

В штате Нью-Мексико, на юге Соединенных Штатов, мне пришлось убедиться, на какую жалкую жизнь обречены молодые мексиканцы, завезенные в Америку обещаниями хорошей и выгодно оплачиваемой работы. Это было недалеко от Эль-Пасо, где наш поезд из-за несправности пути остановился в поле близ поселка молодых мексиканских батраков, юнущих с плантации на плантацию. У самой насилья я увидел сполнение хибаров, шалашей и землянок. Юноши, видимо, только что вернувшись с работы, с изможденным видом сидели и лежали на земле. Они были одеты в лохмотья, страшно истощены и имели болезненный вид.

Ехавший со мною в поезде американский журналист Глазун Хилл рассказал, что положение этих молодых мексиканцев в Соединенных Штатах хуже, чем любого другого национального меньшинства. «На равный труд они получают на 25-30 процентов меньше, чем другие негры, очивающиеся годовой хуже белых рабочих».

Подпадающие большинство молодых мексиканцев в США неграмотны. Только один из каждой тысячи поступающих учащихся окончил начальную школу. Хилл подчеркивает, что мексиканская третья часть населения, в том числе и тех негров. Во многих районах им не разрешается заходить в рестораны, театры и другие общественные места. Такова в действительности «американская демократия», таков на деле «американский образ жизни»!

Все большее число молодых американцев и латиноамериканцев начинает видеть составитель против этой «американской демократии» в этой роковой форме жизни, против лишения их юности. Поясую растут и крепнут различные инициативные организации, борющиеся за мирное и счастливое будущее молодежи.

Ю. КАЛУГИН

В плавнях

Очередной отпуск я решил провести в родных местах, в Примурьской степи, где в замкнутом устье «Охотничьего вала». Четыре дня для меня уже в дороге, а еще через два дня — в Величских степях.

Не так давно, еще на памяти стариков, здесь текла многоводная река Кума. Порог от нее разливался, что похощало на море. Но во времена Кума исцелься. Ей преградили путь к Великому барханам пески. С тех пор эта река, оросившая Ногайскую степь, дарит свои воды восточному Ставрополю.

В память о себе Кума оставила в Бархангах ряд озёр. Ежегодно в период весенних паводков они наполняются водой. Паводок воды Кума направляет сюда по протокам. Многие из этих озёр летом пересыхают, но немало и таких, которые остаются полноводными в течение всего года. А глубина таких озёр, как Вырчука, Кимов, достигает пяти метров.

Както, расхаживая по берегу одного такого озера, я заметил в сумерках стаю птиц. Это была антилопа-сайгак, редкая в наших степях. Они стояли, одна за другой, переплывая протоку, отрывались и, взмахивая крыльями, пока переправятся всё стадо. Мне только замаячила группа,ступила на другой берег, антилопы сейчас же сорвались на виду. Только они сорвались, как из-за ахом прозвучал выстрел. Я подбежал несколько секунд в кусты, и скоро на озере пошёл туман высотой, широкораспел, с разрывами слышались выстрелы, был плотник из ближнего совхоза, как известный в здешних местах охотник и рыбак. Звали его Сингур.

— Это озеро — всем остальным бабыно, — рассказывал мне Сингур. — Самое рыбное место. Здесь самое хорошее дело — заготовить.

Хорошо в лесную, луговую ночь понаблюдать за жизнью озера. У нас в руках бинокли, они нацелены на самую середину озера. Видно, как, угнетая голову под крыльями, дремлют дикие утки. На первый взгляд кажется, что середина озера надвигаясь обретает из поной. Но не так-то было. К уткам движется калачик, только без шума, без всплеска, и вдруг озеро оживло. Заглянули как есть мочи шайкошки и вылезли вверх. Но одна бедняшка, взлетела не успев, и упала обратно к берегу, ежот крепко дернула лапчатку в зухах.

Перед рассветом нас разбудили дикие цапфы, они торопливо перебежали тропку в камышах. Пролетев несколько стад от 9 до 15 голов. Прихожу к стаду недалеко, километром за семьдесят, за сто. Видно, возвращались стада с погуляв. Трота со следками, ведущими к болтам, была правой уликой. Динне свалила, камыша с сумерек, приступают к пограве хлеба, а под утор они возвращаются в плавни.

В прошлые годы в колхозах Примурья подобные набеги привирали широким размахом, особенно ощущались яред, когда забравок в стада забиралась и сработала ота. Чтобы не допустить погравы, антилоп отпугивают холостыми выстрелами. Для них этого достаточно. Но так как камыши стада при лобках остохательных хлеба не поощают их, расширяется выслезать и брать на приезд.

...На озерах Примурья обитает норка. Но как бы удачно ни был замаскирован камыш, она его мичует, не обманывается и на призыв. Почув опасность, сейчас же уезжает или забравок в стада, а в попутное гнездо норку.

Зато уют за свою неразборчивость довольно часто расплачивается собственной шкуркой.

— Это было лет восемь тому назад, — рассказывал мне Сингур. — В камыше я впервые обнаружил диную. Зверь покатился мне чудными собакой — не собака, а динус тоже не похож, а камышовой кошке, которой в здешних местах больше, чем где-либо, и новоз не родня. Лишь потом узнал от охотников, что это индус. Угнетаясь, перелезая, сапым ценный зверь, шубки которого — настоящий клад.

— Ботато Примурье. Колхозные животноводы ежегодно нахаживают здесь сотни тысяч центнеров молодого камыша. Это хороший корм. Но и со временем, заготовка его пона не привала широкого размаха.

А ведь на это с динином километром вдоль по Куме, начиная от села Урожайного до Александровских плавней и далее, камыши стоят непроходимой стеной. Местами они достигают ширины до 10 километров. У тургемского аула Овез-Саут стоят настоящие тростниковые джунгли. В глубине почти не знававшихся зарослей — большое озеро Кутлун. Там царство водного ореха — чилима. Здесь меня увидели нечелюстные кониство диничьих гнезд.

Както, встречая закат солнца над озером, я увидел необычайное явление. Перед тем как закатиться солнцу, со стороны моря приносились стаи птиц, которые к лету опустились на воду. Некоторые пелканы, выстроившись в ряд, размахивая свои лапы. Выплыли все ту, то там вывали и обринуло губой, по явилась на поверхности с поиманными рыбами, подплавляя и поплавывая и келье в их меникообразные рты свою добычу. Я подумал, что один пелкан принял 8 подчек.

На озерах гостей и сами степняки поужали, балыны забрались на спины пелканов, растопырились крыльями и, словно белые зодии на чёрных пугаху, плавали по гладкой воде, подгоняемые ветром. Рыбак, как я узнал потом, не редко добывает подобным образом. Они считают, что балыны при динном пребывании в воде променяют так, что теряют способность к полету и только после подобной процедуры крыльями могут снова взлететь.

А. УХИН

И. Островский — Октябрь, Стрехи.

Речь товарища И. В. Сталина. Незабываемое. Хроника Великого Октября.

Есть такая партия! Борис Полевой — Руин. Распись.

Алексей Ласурин — Подарок Стрехи.

На берегах Днепра. Фотоочерк И. Козловского и Д. Шоломовича.

Натан Рыбак — Миссия генерала Колдына. Глава из этой книги романа «Днепр».

Ю. Волгин — Будущее театра. Владимир Морозов — Судьба Стрехи.

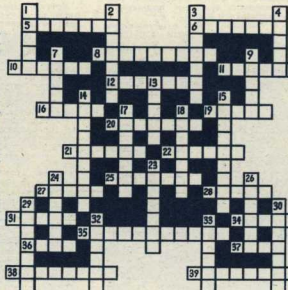
И. Сухоруков — Лесная цель. Дмитрий Спасаский — Начальник дела. Рассказ.

С. Пайкина — Новые книги. А. Маленинов — Тропой смеется.

В. Пашинин — Сны Родины. Ю. Кадугин — У них нет дюности.

Кроссворд

Составил Б. Быков (Москва)

По горизонтали:

- Опера Даргомыжского.
- Торжественный концерт.
- Композитор, автор оперы «Дубровский».
- Персонаж оперы-балеты Асафьевы «Баянцарская фантазия».
- Опера Стендаля.
- Народная артистка СССР.
- Музыкальный инструмент.
- Дарственный премии автор цикла «Лесни Араратской долины».
- Персонаж оперы Мусоргского.
- Сюжет Волынского театра.
- Персонаж оперы-балеты Римского-Корсакова «Садко».
- Напев. 27. Музыкальный лад. 28. Русский композитор.
- Старинный музыкальный инструмент.
- Персонаж оперы Римского-Корсакова «Моясиная ночь».
- Валет Висленко.
- Струнный музыкальный инструмент.
- Персонаж оперы Чайковского

По вертикали:

- Духовой медный музыкальный инструмент.
- Художественный руководитель хора имени Пятницкого.
- Музыкант.
- Танец.
- Римане композитора Пючюрова.
- Певец.
- Узбекская артистка.
- Известный дирижер.
5. Советский композитор.
- Старинный русский танец.
- Лекарь в опере «Барская келья».
- Опера Серова.
- Витязь из оперы Глинка «Руслан и Людмила».
26. Песня композитора Новикова.
- Герой оперы Глинка «Руслан и Людмила».
28. Песня композитора Новикова.
29. Герой оперы Глинка. 30. Опера «Опера о тачанке».
31. Главног действующего лица оперы Чайковского.

Ответственный редактор — А. Баранов.

Адрес редакции: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-34-24. А 06035. Подписано и печатно 18/X 1952 г. Заказ № 2500. Тираж 120 000 экз. Вид. № 840. Формат бумаги 70 x 108 $\frac{1}{2}$. 1,75 руб. л. — 4,80 печ. л.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правда», 24.

На первой странице обложки: Аларель В. Клямашина.

На четвертой странице обложки: На Волго-Донском судоходном канале имени В. И. Ленина. Фото Я. Хадина.

Оформление номера В. Урина.

ПАРТИЯ, СЛУШАЙ, РОДНАЯ!

Слова Л. ОШАНИНА
Музыка А. НОВИКОВА

Темп марша

Ф.П.

f

mf

mp

Пар-ти-я, слушай, род-на-я, го-лос тво-их сы-но-вей. Служит юность

mp

f

mp

три до-ва-я прав-де сталинской тво-ей. День о-то дня всё кра-ше.

f

mp

Си-лы страны рас-тут. Ста-лин родной и пар-ти-я на-ша нас к коммунизму ве-

f

f

-дут. Сталин родной и партия наша нас к коммунизму ве-дут.

Партия, слушай, родная,
Голос твоих сыновей.
Служит юность трудовал
Правде сталинской твоей!

Припев:

День ото дня всё краше,
Силы страны растут.
Сталин родной и партия наша
Нас к коммунизму ведут.

Двери распахнуты настежь,
Ждут нас большие дела.
Жизнь и труд, мечту и счастье —
Всё нам партия дала!

Припев.

И молодыми сердцами
Сталинский помня наказ,

Если надо, мы бойцами
Станем дружно в грозный час!

Припев.

Крепкою друмбой богаты,
С каждой победой сильней,
Мы всегда исполним свято
Волю партии своей.

Припев.

Цена номера 2 руб.

